

*Сергей Морозков
Александр Потапов*

Схватка за параллель

12+

Александр Потапов
Схватка за параллель

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Потапов А. М.

Схватка за параллель / А. М. Потапов — «ЛитРес: Самиздат»,
2010

Отчаяние доводит главного героя до последней черты. Он решает свести счёты с жизнью, но, судьба даёт ему последний шанс. Правда, плата высока – навсегда покинуть Землю. Другая планета. Ни души, только огромный пёс Шарик – друг, соратник – всегда рядом. Но зло мрачными красками мажет и этот свет. Человечество вместе с даром жизни бросило в параллельный мир бомбу расовой непримиримости. Злой умысел? Да нет, неистребимая жадность. Кому же восстанавливать равновесие? Конечно, нашему герою, простому парню. В оформлении обложки использованы фрагменты фотографий с сайта yandex по лицензии ССО.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	33
Глава 10	35
Глава 11	41
Глава 12	45
Глава 13	49
Глава 14	51
Глава 15	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Прошёл год, электроника большого разведывательного зонда «Сеятель-381» включила программу тестирования. Суперкомп зонда приходит в себя. Со всех уголков гигантского корабля стекается информация. Единицы и нули складываются в объёмные, сверкающие картинки. Повреждён отсек навигации, метеорит, пробив броню, уничтожил ряд приборов и разгерметизировал помещение. Но он же, до основания потрясая корабль, активизировал его мозг.

Датчики сообщили о полной готовности всех систем к работе. Компьютер медлил; всё в порядке, кроме одного – он ничего не помнил. Мозг признавал себя системой, созданной человеком для его целей, но самого творца нигде не было. Приборы и механизмы, лаборатории и склады ждали команд... И они пришли.

Глава 1

На изумрудной глади чуть качается поплавок. От тишины звенит в ушах. В зеркале воды отражается фигура высокого русоволосого мужчины в драных джинсовых шортах и выдавшей виды серой футболке. Длинные светлые волосы собраны в конский хвост. Щетина уже начинает прорисовывать контуры бороды и усов. Узкое лицо цвета морёного дуба пересекают морщины, придавая ему солидности и уверенности. Это я. Жаль только, что во всей округе мой портрет некому оценить.

Басовито гудят блестящие, похожие на капли ртути жуки. Длиннокрылые стрекозы так и норвят усесться на красное перо поплавка. Наблюдая за ним, частенько проваливаюсь в сон. Он не успевает свалить, но на пару минут выбивает из реальности. Сегодня ночью какой-то зверь рыскал у хижины, будоражил Шарика и не дал выспаться.

Поклёвка. Удилище мягко тянет в сторону. Подсекаю – рыба на крючке. Начинается захватывающая игра кто кого. Причём с той стороны это борьба не только за свободу, но и за жизнь. Работая катушкой и удилищем, понимаю: на крючке достойный противник, упорно не желающий признавать поражение. У самого берега он резко бросается в сторону. Потеряв равновесие, падаю в тёплую воду, лишь чудом не выпустив удилище из рук. Нехорошо помянув всю рыбу родню до седьмого колена, с трудом поднимаюсь, едва освободившись от перепутанной лески, тем временем визави по ту сторону разматывает её почти всю. Упорный. Да и я не хлюпик; с трудом наладив снасть, снова вступаю в борьбу. И не без успеха, мой опыт и навык вскоре ломают его. Мягко, без рывков подтягиваю улов к ногам. Взмах подсачка – и здоровенный, килограмма на три, чумарь вяло бьётся в траве. На ужин хватит.

Огонь азарта, вспыхнувший в груди, не позволяет оставить рыбное место и отправиться домой. Червяк на крючке совершает последнее в своей короткой жизни путешествие. Круги не успевают разойтись, вновь поклёвка. Подсекаю и плавно тяну к себе. Не получается, и эта рыбка явно не хочет в уху. Будоража воду, рвётся на волю, а тоненькая леска – единственная преграда на пути к свободе. Удилище гнётся дугой, но местный бамбук невероятно прочен. Постепенно отпускаю катушку, давая видимость воли, но запас лески оставляю. Рыба меняет правила игры и резко идёт вверх по течению. Такого подвоха ожидаю и успеваю выбрать слабинку, а чуть позже, спотыкаясь о скользкие корневища, иду за ней следом, медленно, но верно выматывая её силы. Метров двадцать рыба тянет за собой. Совершенно неожиданно, устав от борьбы, чумарь свечой вылетает из воды, сверкнув серебром чешуи в окружении бриллиантов капель. Воистину: «Остановись мгновенье, ты прекрасно!».

Местное солнце в зените. Бирюзовый купол неба сверкает кристальной чистотой. Лишь на линии горизонта клубятся облака. Уложив рыбу в плетённый короб, иду к избушке. Земля под ногами сухая и прохладная, голые ступни чуть не по щиколотку тонут в мягкой зеленоватой пыли. Шаг размерен и спокоен, уже около трёх лет мне просто некуда торопиться. Рядом, отвесив язык чуть не до земли, бредёт Шарик, странная помесь собаки и зайца.

* * *

В тот день я шёл на охоту. Кожаный ремень автомата натирал плечо сквозь тонкую ткань футболки. Все мои хождения оказались неудачными, даже не пришлось ни разу передёрнуть затвор. У ручья, где решил умыться, и нашёл пса с переломанной лапой. В густой траве наткнулся на кровавый след. По борозде определил, что животное крупное, и решил полюбопытствовать, не согдится ли оно для супа. Увиденное поразило, никогда мне не встречалось

ничего подобного. Огромный, похожий на сказочного волка зверь резко отличался от представителей знакомой фауны. Видимо, из последних сил приполз издалека, почуяв воду.

Палец привычно нашёл курок. Желая избавить животное от мук, спускаю вниз скобу предохранителя. Неожиданно зверь открывает глаза, и я тону в море боли и отчаяния. «Калашников» соскальзывает с плеча в траву, а кинжал покидает ножны и втыкается в ствол. Разводя руки в стороны, медленно иду к раненому. Сейчас вполне осознаю, каким был идиотом, – стоило ему на последнем издыхании едва клацнуть зубами, мои раны были бы несовместимы с жизнью.

Впрочем, тогда всё было по барабану. Пытался жить, постоянно крутя русскую рулетку, на шкуре проверяя, не отвернулась ли фортуна. Я долго не мог свыкнуться с невероятной свободой, свалившейся на не подготовленные для этого плечи. Но об этом чуть позже.

Чем ближе подхожу к зверю, тем сильнее чувствую его боль, скалится, но губы постепенно прячут клыки. Достав из нагрудного кармашка аптечку, вкалываю ампулу морфия. Наркотик быстро действует на измученное животное. Пёс засыпает.

Зову псом исключительно по привычке давать имя всему, у чего нет названия. Существо явно не собака, но статью очень её напоминает, если бы не смешные заячьи уши и не огромные размеры. Зверь немного меньше годовалого бычка.

Наложив шины на лапу, перевязываю раны. Их много, но не все глубокие. Парню явно достался серьёзный соперник. Для транспортировки пришлось соорудить подобие носилок, и, надо сказать, то нелёгкое путешествие к хижине до сих пор в памяти.

Утром пёс приходит в себя и позволяет перевязать, в этот раз не демонстрируя зубы. Лишь когда уже совсем невтерпёж, он едва рычит. Пока готовлю на костерке обед, псу становится лучше. Поняв, что гость хочет есть, бросаю пару птиц, подбитых накануне. Их ему не хватило и на зубок. Приходится сбегать на реку и там серьёзно поохотиться, зато к вечеру зверь был сыт и почти здоров. Ведёрный бачок с водой пришлось наполнять дважды. В общем, хороший уход и питание поставили пса на ноги за неделю.

Так я нашёл Шарика. С той поры сплю спокойно, ведь лучшего сторожа и друга в природе не бывает.

Глава 2

Взяться за перо и доверить бумаге свои мысли и чувства вынудило одиночество. Я совсем не опасаюсь конкуренции, но, если кто спросит, где находятся столь рыбные места, не отвечу. В самом деле, не знаю.

Точкой отсчёта моей истории можно считать тот день, когда решил свести счёты с жизнью. Боже, как давно это случилось! Вероятней всего, года три назад. То злополучное время до сих пор помнится в поту ночных кошмаров. Мне давно за сорок. Жена, забрав детей, ушла ещё по молодости. Мой быт – убогая комнатуха в общежитии, кровать с рваным, засаленным матрасом, стол, заваленный до невозможности грязной посудой, объедками, окурками. Среди всего этого великолепия небоскрёбами возвышаются пустые, мутные пузыри из-под самогона. Обшарпанный, колченогий табурет ставит последнюю точку в роскоши интерьера. Правда, на стене висит на одном гвозде, покосившись, репродукция картины Айвазовского. Там посреди буйства волн несколько человек пытаются спастись на жалком подобии плота. Несложно догадаться: болен я самой распространённой российской болезнью – запоями. Знаете, как у нас смотрят на алкашей? Они везде: на свалках и в супермаркетах, под забором и во дворах. Ибо все они – это мы – в прошлом или будущем.

С малолетства помню весёлую компанию поселковых бичей, званную отчего-то «восьмой бригадой». Вечно лохматые и немые рожи маячили у дверей магазина, сшибая по десять-двадцать копеек. В свободное от попок время пилили дрова, копали огороды, не перерабатывая, зато постоянно и сыты, и пьяны.

Перестройка асфальтным катком прошла по их телам и душам. Они вымерли, причём в прямом смысле слова – всё же суррогаты не молоко. А обычная ротация, когда вместо выбывшего на тот свет члена коллектива приходил следующий бедолага, не произошла. На страну упала проблема круче – наркота. А наркоши не алики, воруют, работать не заставишь. Впрочем, у тех и жизнь заметно короче, да разговор не о них. Меж тем ситуация потихоньку выправляется, и алкаши опять занимают завалинки многочисленных магазинчиков, вновь живя припеваючи, правда сшибая на пропой уже рубли. Как-то незаметно для себя оказался в такой крепкой спетой компании и я.

Начиналось неплохо. Школа. Техникум, два года в «Дзержинке». Командировки в горячие точки, перехват караванов. Даже в плен без сознания взяли. Но до логова не довели. Скрутив на привале бошки двум моджахедам, с боем ушёл. Кажется, чего-то удостоен, награждён и назван молодцом...

После армии, вместо того чтобы делать карьеру где-нибудь в ментовке или у пожарных, подался на карьер. Там в пыли и грохоте перфораторов почувствовал, что стоит трудовой рубль. Таскал на горбу взрывчатку на массовые взрывы, разгружал вагоны и не упомяну, когда начал сходить с нарезов. Женился, родились два мальчика. Всё бы ничего, но болячка всё больше и больше давала о себе знать. Запой, беспробудное пьянство неделями. Бригада в яме ещё та, до сих пор не понимаю, как друг друга не поубивали. Дальнейшее вполне обыденно. Семья не смогла переломить ситуацию, а с работы вскоре погнали. И вот общежитие, вечные долги и, как награда в жизни, завалинка у кулинарии.

Мой кошмар и вечный спутник – страх. Постоянный страх. Сон только после отрубона. Подъём в два ночи в холодном поту от жутких мультиков. Любая, самая мелкая проблемка разрастается в мозгу до чудовищных размеров. Ужас холодными, липкими пальцами бросает тело в непрекращающуюся дрожь. Сердце то выносит грудную клетку, то наоборот – останавливается. Поневоле соскакиваешь и бежишь в известную комнату. На коленях уламываешь бабу Нину, отдавая в залог последнее.

В тот день решаю – хватит. Зажился на этом свете. С утра солнышко стучится в пыльное окно, тепло. В углу недостроенного садового домика выкапываю АКМС, тайком привезённый с той войны. Аккуратно разворачиваю вощёную бумагу, мягкой тряпочкой удаляю тонкий слой смазки. Достав необходимые принадлежности, машинально чищу ствол. Руки сами находят занятие, и патроны из цинка ловко перекачывают в магазин. Где-то на периферии сознания мелькает здравая мысль: зачем для самоубийства целый магазин? Впрочем, как приходит, так и уходит, а подобранный по дороге мешок надёжно маскирует ствол.

Путь в лес. Здесь тихо, пахнет прелью и грибами. Ветки потрескивают под ногами. Всем нутром чувую, что иду на гнусное дело, поэтому стараюсь уйти подальше. Неожиданно кустарник расступается в стороны, и под ногами асфальт старой военной дороги. Много слухов и баек ходило в наших краях про неё. Но толком никто ничего не знал. КГБ умел хранить тайны. Заметно, что за асфальтом следили, зимой даже чистили регулярно, но когда и кто – непонятно. Собираюсь перейти на другую сторону, но шагах в десяти вижу огромный чёрный джип. Весь блестящий и не в меру солидный. От неожиданности затаиваюсь. Ведь здесь скорее можно встретить волков, чем людей.

Слышится негромкий разговор. Два серьёзных мужика в странной униформе уютно устроились в тенёчке. Тема неожиданна и интересна. Замерев, внимаю смыслу доносящихся фраз. Насколько догадываюсь – эти ребята из космических войск. Отправленный недавно с огромной помпой очередной «Сеятель» набрёл на звёздную систему. Впрочем, дело довольно обыденное, но одна из планет очень похожа на Землю. Богатый растительный мир вполне пригоден для жизни. Разговор шёл об исследовательской экспедиции и намерении одного из собеседников возглавить её. Оказывается, на планете удалось установить МпЭс (межпространственный экспресс, то есть систему мгновенного переноса массы из одной точки пространства в другую).

Рёв мотора закрывает тему. Из-за поворота вылетает громадный тягач, которому под силу стратегический комплекс. Выскочившие из кабины солдаты ловко цепляют на буксир громоздкую импортную технику. Дождавшись, когда утихнет шум, и порадовавшись за будущее человечества, перехожу дорогу.

Боковое зрение цепляет блик в косых лучах солнца, причём там, где только что мирно беседовали космонавты. Любопытство заставляет вернуться. На влажной земле поблёскивает золотом именной жетон МпЭса. Лишь раз в жизни пользовался этим видом транспорта, перемещался из Челябинска в Минск, гулял на свадьбе друга. Ох и попирировал же, до сих пор удивляюсь, как ухитрился домой вернуться. Кручу жетон перед глазами. Сверкающая полированным золотом поверхность резко меняет ход мыслей. А что если... В голове хаос... Да гори оно огнём! Разворачиваюсь и бегу назад в общагу.

На трясущихся от необычного темпа ногах и с трудом удерживая обеими руками рвущееся на волю сердце, добираюсь до комнаты. Ударом ноги ломаю тайник под подоконником. Там уже не одно десятилетие лежат трофейные золотые часы. Не знаю, почему, но ни в одну из бесчисленных ночей даже в мыслях не возникло идеи сдать их за стакан лекарства от страха.

В подобранную ранее где-то на улице большую клетчатую почти не рваную сумку летят вялая картошка, морковь, крупа, какая-то консерва, сухари. Бабушка Нина с восторгом меняет золото на рубли. Надувает, сука, как всегда, но времени на разборки нет. Впрочем, к чему они – деньги. Билет куплен в одну сторону.

Сумка трёт плечо, когда со всех ног бегу на автобусную остановку. На моё счастье, там маршрутка. Народу немного, но лезу назад в самый угол, чтобы люди в глаза не материли. Мало ли по деревне кому должен, а сейчас, бедный и несчастный, на таксах катаюсь. Машина, плавно урча мотором, вливается в спешащий, сверкающий многоцветием красок, автомобильный поток. Полчаса – и центр города. Зеркальная витрина супермаркета отражает вполне обыч-

ного бичугана. И то, на большее не претендую, а ведь охрана портала может и документы спросить. Впрочем, есть фамилия, что за меня сегодня ответит, – Калашников.

В сверкающем снежно-белым мрамором вестибюле вокзала охранники пытаются учинить обыск, но поседевший от времени, по-прежнему грозный автомат не допускает рукоприкладства. Рвусь к кабине, мощная титановая дверь мягко отрезает прошлое. Приёмник портала жадно глотает жетон, строки на дисплее подтверждают подлинность, но одновременно требуют пароль. Какой пароль? Подкашиваются ноги, вариант обратной дороги не просчитан, код же неизвестен. Скоро менты налетят. Останется два варианта: сдать или погибнуть в ненужной перестрелке. За героизм в этом бою орден посмертно не присвоят. Закопают словно собаку, без таблички с фамилией. Гнусная перспектива, и со всей пролетарской злостью АКМС бьёт по клавиатуре, следующий удар направлен на дисплей. Но меркнет свет, а чуть позже гаснет мозг.

Глава 3

С огромным трудом нахожу себя. Страшная головная боль несколько раз, как пробку из бутылки, выбивает сознание, потери которого с каждым разом длиннее. Очнувшись в очередной раз, тщетно пытаюсь сосредоточиться на блёклом источнике света. Монитор с мертвенно-бледным экраном довольно успешно сражается с темнотой. Кабина портала стандартна, клавиатура, блоки – всё вряд ли отличишь от земного. Одинаково даже серебристое напыление стен. Пожалуй, лишь синтетический коврик, на котором сейчас отдыхаю, чуть другого оттенка. По нему да по заметно меньшему объёму помещения определяю – перенос произошёл.

С полчаса уходит на адаптацию. Только после ряда дыхательных упражнений и сеанса самогипноза прихожу в нормальное состояние. Самое трудное, пожалуй, просто поднять руку. После этого усилия остальное – лишь вопрос времени. Обретя возможность двигаться, в течение нескольких минут учиняю в кабине тщательнейший обыск. Результатами остаюсь доволен. Во встроенном сейфе обнаруживаю два больших мешка с НЗ. Стоит ли упоминать о массе аккуратно упакованных вещей для всех случаев жизни? Оружие, аптечку, продукты вновь складываю в мешки и тщательно завязываю. Оставив груз в кабине, с автоматом, поставленным на очередь, осматриваю новое место жительства.

Впрочем, осматривать, собственно, нечего, на дворе глубокая ночь. На ясном небе огромные звёзды, но с луной туго, и во тьме сложно разглядеть даже пальцы вытянутой руки. Поход за приключениями приходится перенести на утро. Возвращаюсь назад. Мысли от волнения путаются, но несколько базовых тем занозами засели в голове. Скафандр, как фактор жизни, отвергаю сразу. Если повезёт, выживу, а задыхаться и ждать, когда закончится кислород, увольте. По мне, хоть воздух тяжёлый и сырой, но вполне годен для дыхания. Мелькает мысль о микробах, но в спиртсодержащей жидкости, сейчас заменяющей мою кровь, у них нет шансов. Сорвав плотный целлулоид с аптечки, вгоняю в плечо ампулу космосыворотки. Привычно трясёт, приходит страх. Забиваюсь в самый тёмный уголок и, удобно пристроив автомат на локте, пытаюсь заснуть. Вскоре понимаю, что надо унять трясульку, не дай бог тварь какая заинтересуется пришельцем, а я даже автомат поднять не в состоянии. Порывшись в коробке с красным крестом, нахожу снотворную пилюлю. С трудом ломаю зубами плотную таблетку и, разжевав, запиваю глотком из фляги. Лекарство оказывается очень мощным. Сон выбивает из реальности почти до того, как успеваю его проглотить.

Последняя ночь кошмаров. Жуткие монстры со всех сторон пытаются добраться до тела. Громадные волосатые пауки очень интересуются трясущимся в страхе человечком. Я словно муха всё ту же запутываюсь в липкой паутине. Твари уже протягивают лапы, собираясь перекусить. Страх подбрасывает тело. От неожиданности просыпаюсь. Трясулька отступает, и до спазмов в желудке хочется есть. Пара галет, колбаса и сыр притупляют голод. Анализирую ситуацию. И вновь страх рвёт сердце: боже, что наделал, дурак! Дорога домой отрезана – постучав автоматом по аппаратуре, похоже, разрушил канал транспортировки. Так или иначе, оборудование портала мертво. Видимо, здесь придётся жить, скорее всего, и умирать.

Сплю до утра, хотя впотьмах по привычке думается хорошо, но нюхом чую: с рассветом понадобятся все силы. Нынешнее положение очень похоже на учебку, где есть время – спи, другой возможности может не быть. С этим тоном в вязком тумане забытья. Снится наша ударная бригада у лавки, и, что характерно, денег полные карманы, а водку никто не пьёт! Будит страшный визг, «калашников» в автоматическом режиме ищет противника. Но в помещении никого, шум снаружи. Сон как рукой снимает, тем более, что становится заметно светлее. Думаю, не пора ли зубы почистить, и, захватив умывальные принадлежности, ползу к выходу. Портал замаскирован под старое дерево, и из его дупла впервые осматриваю окрестности.

Открывшийся пейзаж очень даже ничего. Бирюзовое чистое небо. Зеленоватое светило всходит над горизонтом. Роскошные луга сиреневого цвета сливаются с бирюзой небес. Покидая дупло, оказываюсь одинёшенек на опушке удивительно чистого и какого-то светлого леса. Деревья огромны и величественны, больше всего напоминают земные дубы, а стволы и пятерым не обхватить, только листва больше похожа на тополиную, но блестящая, словно лакированная. Трава в лесу по шиколотку, ровненькая, словно стриженная, лёгкого сиреневого оттенка. Кое-где виднеются невысокие шарообразные кусты. Очень тихо. Неподалёку журчит ручеёк, к нему и направляюсь. В кармане зубная паста и мыло, общаговское полотенце небрежно перекинута через плечо. Со стороны как есть дачник, и лишь стучащий по боку автомат напоминает, что всё не так просто. Не забывая оглядываться по сторонам, моюсь. Кристально чистая тёплая вода освежает разгорячённое лицо. Плюнув на приличия, раздеваюсь и нагишом лезу в ручей. Долго барахтаюсь, с наслаждением смывая с липким потом всю земную дурь.

Посвежевший, докрасна растираюсь полотенцем. Меж тем день вступает в свои права, и в ярких лучах солнца постепенно тают сверкающие изумрудами капли росы. Мне здесь по душе. Сладко потягиваюсь, разминая суставы. Хорошо, но с восхищением решаю повременить. Ночёвка в портале вынуждает срочно строить собственное жильё. Первым делом провожу инвентаризацию наличного имущества, откидываю в сторону свой баул, с его содержимым всё ясно. А вот спаскомплекты – настоящий клад для человека, собравшегося не только выжить, а и жить вдаль от всех. Местная фауна пока не беспокоит, впрочем, у меня автомат. Впору молиться на его мощь. В НЗ обнаруживаю пару неизвестных пистолетов-пулемётов, но от восторга бацаю некое подобие цыганочки с выходом и заходом за боезапас для АКМСа – целых четыре цинка. Большая сапёрная лопата тоже как нельзя кстати. Живу.

Для начала решаю выкопать землянку. Впрочем, дело это серьёзное, поэтому полдня ищу удобное место. Наконец мне приглянулся небольшой холмик, неподалёку от ручья. Осмотрев местность со всех сторон, курю, удобно расположившись на склоне.

Дёрн легко поддаётся, открывая песчаную зеленоватую почву, пронизанную корневищами трав и кустарников. Часа за полтора выкапываю приличную яму. Ещё на штык, и можно перекрывать потолок. Лопата странно звякает о что-то металлическое, но, поскольку поиски кладов не входят в приоритеты, больше не углубляюсь. При помощи пилы и топора быстро готовлю кучу молоденьких деревьев, ошкурив стволы, монтирую потолок. Перекрыв землянку по песне, в три наката, тщательно маскирую дёрном. Лишний грунт сбрасываю в ручей, вода на несколько сот метров становится мутной, впрочем, это быстро проходит. Маскировка жилья удаётся на славу – в паре шагов пройдёшь, не заметишь. Теперь уже чётко понимаю, что место для резиденции выбрано правильно.

Развожу костерок. В булькающий котёл бросаю щедрую горсть душистого чая. Знакомый с детства запах приносит успокоение мятущейся душе. Обедаю аварийным пайком: несмотря на скромный внешний вид, вкусовые достоинства выше всяких похвал. До темноты успеваю удивительно много. Сколачиваю дверь, строю лежанку и некое подобие стола. В готовое помещение тащу значительную часть припасов и оружия. В отдалённых местах готовлю несколько схронов. Уже давно жизнь научила не класть все яйца в одну корзину, поэтому немного боезапаса и консервов прячу там. Вконец измотанный, вырубаюсь с первыми признаками ночи. Кстати, довольно опрометчивый поступок, но дуракам везёт. Первый день на новых землях помнится до мелочей. До сих пор снится то счастливое мирное время.

Постепенно налаживается быт. На месте землянки оборудую избушку. Это сказать просто, а попробуй строить, когда в наличии только брёвна. Ни тебе тёса, ни толя-шифера, двери навесить и то головоломка. Впрочем, такие дела для меня не в диковинку, поэтому с пробуксовкой, медленно, но решаю задачки. Проходит совсем немного времени, и замечаю, что неподъёмная недавно работа близится к концу. Новая жилплощадь обретает завершенность и воспринимается совсем по-другому. Делаю всё для себя, с комфортом, и совершенно неза-

метно создаётся некий дух дома, образуется домашний уют. Странно, вроде нет ни дорогих мебели, ни ковров, а на душе хорошо, одно слово – дом!

Идёт время, до сих пор не знаю, есть ли в наших краях зима или календарь разительно отличается от земного. Держу в резерве землянку с запасами дров, если всё же зима нагрянет. В перерывах между стройкой и добычей продовольствия возделываю землю и сажаю картошку, ту самую вялую, с общаги. Небольшой участок ковыряю два дня. Урожай радует. Сорт попался продолговатый, поэтому таскаю охапками понемногу, словно поленья. Первое время рассыпал по полу дома, но это не решило проблемы. Срочно требуется какое-никакое хранилище. Копаю погреб по образцу и подобию домашнего. Спускаю урожай, обильно пересыпая сухой листвой. Одну часть оставляю на еду, другую, не дождавшись холодов, высаживаю в почву.

В мешке оказывается немного перловки и овса. Возделываю два небольших участка. Не знаю, как на Земле, от села страшно далёк, тут же с первого урожая собираю две очень приличных ёмкости. Засаваю поля, значительно увеличив площадь, ещё раз. Так день за днём в ворохе бесконечных дел и проблем пролетают годы. Однажды ночью приходит мысль, а что если где-нибудь рядом существует разумная жизнь? Первое время такая перспектива пугала, теперь же возникает любопытство. Решаю разобраться с урожаем и произвести глубокую разведку. А то с этим колхозом дальше десяти километров не вырваться, дела да заботы.

Вокруг избушки лес, причём очень старый. Деревья огромны и по высоте, и по объёму, с редким подлеском, невысокая мягкая трава даёт возможность спокойно ходить босиком. Километрах в трёх ручеёк вливается в довольно приличную реку шириной в 50 метров. Вода тёплая, очень чистая. Если выпадает свободная минутка, мы с Шариком частенько пропадаем на её берегах. Какая там охота на дичь, а про рыбалку и говорить нечего! Уловы ограничиваю сам. Первое время натаскивал в азарте столько, что приходилось выбрасывать. Рыба напоминает земных угрей, а чумари круглы, словно велосипедные колеса, и также огромны. Мясо нежное, сочное. Запечённая в углях, рыба великолепна. Для приготовления приспособляю приличный кусок ткани скафандра: он не горит и хорошо моется. Слегка посоленную и натёртую душистыми корешками рыбку тщательно заворачиваю в хрустящую ткань, потом засыпаю тлеющими угольками. Через полчаса вкуснейшее блюдо готово. Одна проблема возникает – впрок не заготовить; несмотря на тщательные поиски, соли в округе обнаружить не смог. А наловить за пару дней можно столько, что на полярную ночь хватит.

В общем, не жизнь – малина. Регулярное калорийное питание, физические нагрузки как шелуху смывают бомжачий лоск. Гибкость в теле, сила в мышцах – такое состояние помнится по молодости, когда всё впереди и груз лет не давит на плечи. Начинаю заниматься физзарядкой, что приводит грозного Шарика в состояние шока. Вид разлохмаченного человека, бегающего, высоко задирая колени, зрелище не для слабонервных. Первое время звал пса присоединиться к необходимой для цивилизованного человека или существа процедуре, но, увидев, как глядел на меня абориген, перестал – так смотрят на умалишённых, снисходительно, с улыбкой. Решил не придуриваться перед ним, а то ненароком засмеёт.

Если идём на охоту, друг не отстаёт ни на шаг. На речке много водоплавающей дичи, а помповые ружья позволяют настрелять сколько надо. В спаскомплекте к ним припасено огромное количество патронов. Хотя проблема хранения дичи аналогична хранению рыбы, только соли требуется значительно больше. Утки – любимое блюдо пса, а еды для такой массы требуется немеренно, но, учитывая, что Шарик и самостоятельно охотится, прокормить его пока остаётся возможным.

Из зверей попадают лишь мелкие грызуны да жирные, тяжёлые, как танки, быки. Раза два в месяц охочусь на белых в золотых яблоках буйволов. Они дают жир для лампы, свежее мясо, но агрессивны без меры, поэтому охота на них без Шарика равносильна самоубийству. Он, словно кавказская овчарка в своей отаре, ухитряется отбить самое упитанное животное

и подвести под выстрел. Удивительно, но стадо после потери уходит, не пытаясь отомстить охотнику, даже обидно становится за красивых и своенравных животных.

Избушку обмазываю ярко-зелёной глиной, полуметровый слой с арматурой из гибких веток сам по себе серьёзное препятствие для любой твари. Сразу прекращаются сквозняки, и лесной шум остаётся за порогом. Если не случится ничего экстраординарного, через недельку соберу урожай. Подготовлены и проверены два хранилища под зерно и картошку; тщательно замаскированные, обмазанные внутри, они надёжно сэкономят продукты.

Давно упакован вещмешок. Оружие вычищено и смазано, кинжал направлен и острёр, точно бритва. По округе хожу босиком, а в дальнюю дорогу готовлю мокасины из бычьей кожи. Очень много времени ушло на её выделку, пока наконец счастливый случай не подсказал направление поисков. Из сока кустарников сделал вытяжку, и в особой пропорции с глиной смесь дала великолепный результат. Шкуры быка хватило на пару отличных сапог, лёгких и удобных.

У деревьев, что называю дубами по земной аналогии, очень лёгкая и прочная кора. После ряда экспериментов, в течение пары часов подержав над паром огромный кусок, с лёгкостью придаю ей форму шлема. Пара кожаных ремешков обеспечит надёжную фиксацию на голове. В полированном боку термоса отражается лицо типичного плантатора времён колониальной империи.

Ночами, отрешившись от житейских хлопот, не удаётся спрятаться от мыслей. Роем кружат, ломая череп на куски. Вся жизнь непутёвая десятый раз проходит перед глазами. Как так можно было раскидываться самым дорогим своим временем жизни! Ведь даже скромный запой – это пара вычеркнутых из жизни недель. Не жалею о случае, выбившем меня с родины: словно воздух, организму необходима сильнейшая встряска. Благодаря ей удаётся остаться человеком. Помнится, с год назад, надавив ягод, благо их здесь море, ставлю бражку. В тепле она быстро достигает нужных градусов. Мощная пена поднимает тяжёлую крышку. Захлёбываясь слюной, с большой кружкой из нержавейки присаживаюсь к жбану. Даже черпаю полную до краёв сиреневую пенящуюся жидкость. Боже, какой запах! Рот полон слюны. Встаю к чугунку с картошкой на закуску и неожиданно для себя пинком отправляю флягу в кусты. И на этом тему закрываю. Моя цистерна спирта опорожнена давно. Можно, конечно, снова упасть на уровень унитаза. Вопрос один – зачем?

Если честно, боюсь разучиться говорить. Поэтому свободными вечерами веду долгие беседы за жизнь то с Шариком, то сам с собой. Это не заменяет человеческого общения, но хоть язык забыть не даёт. Пёс вообще статья особая – кровожадный, агрессивный, так прикипел ко мне, что жизнь готов положить. Недавний случай убеждает в этом. Возвращаясь с рыбалки, на краю огромной поляны лоб в лоб сталкиваемся с десятком молодых нахлебавшихся свободы, а потому агрессивных бычар. Не знаю, может, им не понравилась расцветка галстука, но они ринулись к нам монолитным строем с бешеной даже для них скоростью. Реагирую мгновенно, но, начав движение, вижу, не успеть. «Калашников» непривычно медленно ложится в руки, отводится затвор, а быки в десятке метров. Шарик прыгает вперёд на небольшой бугорок, щерится и издаёт страшный, кровь стынет в жилах, рык. Даже эти отморозки почувствовали страх, как вкопанные останавливаются в шаге. До одного я вполне мог дотронуться рукой, слышал его тяжёлое дыхание, но в следующее мгновение весь табун шустро топчет траву в противоположном направлении. До конца оставался миг. Пёс, презрев смерть, спас обоих.

Стоя на пригорке, в изумрудных лучах заходящего солнца Шарик необычайно эффектен. Чуть позже по внимательному взгляду понимаю: зверь прекрасно сознавал, на что шёл.

Глава 4

Уборка урожая забрала все силы. Только спустя две недели я смог сказать – всё! Ссыпано, уложено, заперто. Ещё пара дней уходит на маскировку и создание ловушек от любителей чужого добра. Надо сказать, последнее, вероятно, – перебор, ещё никто ни разу не покусился на хозяйское. Впрочем, всё случается в первый раз, тем более, что гроза ночных кошмаров – Шарик – тоже отбывает со мной на неопределённый срок. Поэтому, не считаясь со временем, прячу и зарываю.

Сколько не оттягивай момент, он всё равно наступает. Долгожданная экспедиция начинается. С первыми лучами солнца идём к реке. Если верить компасу, она течёт на юго-восток. По большому счёту, это неважно, впереди целая планета, и начинать исследование можно в любом направлении. Дабы сберечь ноги, решаем путешествовать по воде, благо в НЗ находится великолепная надувная лодка с мощным электромотором. Аккумуляторы нежно-голубого цвета на удивление невелики, но ёмкостью просто поражают.

Ещё с вечера значительная часть снаряжения перенесена в лодку, причём Шарик принимал самое активное участие в операции. Я сшил из прочной кожи сумки наподобие тех, что в караванах несут верблюды. Они получились довольно объёмными, но сильный зверь с лёгкостью тащит полный груз. На сегодня остались продукты и часть боезапаса. Аккуратно распаковываю и укладываю припасы. Если не торопиться, то получается очень удобно и компактно. Оставив собаку охранять круизный лайнер, иду за оружием. В последний раз бросаю на дом пристальный взгляд и остаюсь доволен. Нет ничего, что бы указывало на обитаемость места. Пожалуй, свежевскопанные поля могут привести на неприятности, но с этим приходится смириться. Возвращаюсь, увешанный стволами, слегка уставший, но счастливый. Напоследок инвентаризирую запасы, и не зря: никак не могу найти копчёные рёбра. Порывшись немного, понимаю: пиши пропало, а, глянув на пса, машу рукой.

– Сожрал, скотина! – пёс виновато машет хвостом, а в глазах вселенская тоска.

И вот, наконец, всё пересчитано, уложено и подготовлено к длительному путешествию. Торжественный момент: мощными гребками выгоняю свою жёлтую красавицу на середину реки.

Течение плавно несёт вниз. Торопиться некуда, скорость не важна, лишь бы вперёд. Пейзаж некоторое время не меняется. Лес, старый лес. Огромные деревья вплотную подступают к высоким крутым берегам. В наиболее узких местах кроны деревьев, стоящих на разных берегах, смыкаются над головой, образуя зелёный коридор. Понемногу река расширяется. Крутые берега сменяются пологими, и сиреневая травка сбегает к самой воде. В небе порхают странные птички, больше смахивающие на птеродактилей. Резкие скрипучие крики «чаек» не добавляют пейзажу очарования. Агрессивных поползновений твари не выказывают, и скоро перестаю обращать внимание, чего не скажешь о собаке. Пёс долго скалит на них зубы.

Русло реки довольно извилисто, и приходится вовремя маневрировать, чтобы держаться середины. Надышавшись свободой, разматываю удочку. Блесёнка ещё не успевает утонуть, как клюёт, резко и отчаянно. Крупный угорь, изрядно помотав нервы, трепыхается под ногами. Солидная рыбина, килограмма на полтора. Меняю наживку и бросаю второй раз. Крючок ещё не приводнился, но биение под ногами странным образом прекратилось. На том месте, где пару секунд назад трепетала рыба, пусто, а друг человека виновато отворачивает морду. Курвец! Ругаться на животину не могу; с человеком схлестнусь, а с собакой – нет.

Поднимается лёгкий ветерок, жёлто-коричневые облака медленно ползут по зелени небес. Как бы дождь не линул. Мои наблюдения за погодой не дали никаких результатов, и до сих пор не улавливаю никакой сезонности. Почти всегда тепло, дождички идут без расписания, когда захотят. Наползающие тучки вынуждают держаться ближе к берегу.

Над головой пролетает стая водоплавающих птиц с растопыренными перепончатыми ногами; как сиё усиливает аэродинамику, непонятно. Не мудрствуя лукаво, палю из дробовика вдогонку, и пара птах падает чуть впереди. Шарик, штатный спасатель Малибу, сигает через борт. От резкого движения лодка теряет устойчивость, и мне приходится попотеть, не давая ей перевернуться. Вполне естественно, забраться обратно пёс не в состоянии, кружит бедолага возле шлюпки с птичками в пасти. Надо видеть длинноухую морду, обиженную судьбой. С трудом удерживаюсь от гомерического хохота.

Гребу к берегу. Пёс выходит чуть раньше и несколькими взмахами выбивает из шерсти целые потоки воды так, что солнце даже успевает нарисовать на каплях крохотную радугу. Причалив, тщательно привязываю лодку к вертикально торчащему камню. Управившись, с удовольствием брожу по окрестностям, разминая ноги. Лес постепенно редет. Взору открываются обширные поля, расцвеченные буйством красок природы. Присев на поваленный ствол, закуриваю и не могу налюбоваться яркой красотой.

Впрочем, романтика – это безусловно хорошо, но пустой желудок, напомнив о себе, быстро возвращает к приземлённому быту. Под ногами попадается зелёная глина, и вопрос о главном блюде обеда отпадает сам собой. Решено, делюсь с Шариком трофеями: одну дичь псу, а другую закатываю в глиняный шар. Несколько отработанных до автоматизма движений – и походный костерок бойко трещит сухими ветками. На треногу вешаю закопчённый чайничек и, дождавшись, когда пламя стихнет, зарываю утку в угли. Шарик, умяв свою долю, располагается неподалёку и не отрываясь смотрит на бесконечную пляску пламени. Прислонившись к гладкому боку камня, засыпаю.

Тёплый язык возвращает в мир – так Шарик сообщает, что обед готов. Веткой выгребаю из малиновых углей раскалённый ком. Гладкий камень разбивает глину, и от аромата печёного мяса едва не захлёбываюсь слюной. Стараясь не обжечься, очищаю от кусочков глины тушку и, разведя в кипятке кофе, приступаю к трапезе. Утка, несмотря на небольшие габариты, оказывается жирной и очень сытной, а несколько местных толчёных травок придают блюду изысканность и остроту. Пёс с важным видом обследует окрестности, и что-то постоянно хрустит в его зубах. Господи, как вкусен кофе на свежем воздухе! С великим сожалением допиваю последний глоток. Шарик, намотавшись по кустам, возвращается бодрым и готовым к дальнейшим приключениям. Что ж, спасибо этому дому. Прикопав кострище, возвращаемся на корабль. Шарик устраивается вперёдсмотрящим.

Отталкиваясь веслом от берега, замечаю блик солнца в разбитом куске обожжённой глины. Любопытство берёт верх, и, отчаянно матерясь, возвращаюсь на стоянку. Как я проглядел такое, когда закатывал в глину утку, непонятно. В небольшой кусок впаян прозрачный камень величиной с ноготь. Батюшки, уж не алмаз ли? Разгребаю тщательно уложенные вещи и, перевернув всё вверх дном, нахожу небольшой тазик. Он взят в путешествие на всякий случай, и этот случай наступил. Набираю в него грунт и, присев на речном берегу, пытаюсь мыть. После непродолжительной процедуры в осадке остаются три камешка, правда, все значительно меньше первого. Отойдя метров на пятнадцать в сторону, повторяю замес. Два прекрасных прозрачно-голубых камня лежат на ладони. Пожалуй, хватит. Упаковав камушки в нагрудный кармашек камуфляжа, на аккуратно нарисованной схеме делаю первые пометки. Деваться некуда, на сегодняшний день я в округе самый главный картограф. Бегу в лодку и, пока золотая лихорадка не схватила за горло, уношу ноги.

Вторая половина дня обходится без приключений. Облака так и не родили дождя. Совершенно неожиданно по курсу вырисовывается остров. Это несколько удивляет, так как ширина реки ещё недостаточно велика для подобных творений. Приблизившись, понимаю – это, скорее, намытая многими десятилетиями песчаная коса. Плотный ярко-оранжевый песок приглашает к привалу.

Причаливаем; на ровной поверхности ни единого следа, за исключением нескольких птичьих строчек. Песок твёрд и сух, но лодку всё равно вытаскиваю подальше. Вдоль берега водой нанесло много хвороста. Так что готовлю костёр к ночлегу и распаковываю палатку. Её синий цвет слишком заметен, именно поэтому автомат далеко не убираю. Наконец подготовка к ночёвке завершена, а солнце и не думает садиться. От скуки разматываю рыболовные снасти. Клюёт, как у Никулина в «Бриллиантовой руке»; Шарик быстро устаёт бороться с трепещущими созданиями и, обожравшись, буквально ползком направляется на водопой.

Наловив рыбы на ужин, развожу огонь и достаю из портсигара одну из последних сигарет. Ноздри жадно ловят аромат дорогого табака – тогда в ларьке не глядя хапнул несколько блоков «Русского стиля». Прикуриваю от прутика, первая затяжка кружит голову. Голубой дымок, поднимаясь, медленно тает в густом вечернем воздухе. Огромные на безоблачном небе звёзды таинственно мигают, зовя в неведомое.

Как свеча, сигарета гаснет, натолкнувшись на фильтр огоньком. На спальнике мягко и уютно. Незаметно улетаю в сны. Они яркие и сочны, как новая жизнь. С детства не помню такого душевного подъёма. На каждом шагу, словно пацан, жду чуда, чего-то нового, неизведанного. Рискую напропалую, не считаясь ни с чем, а богатый жизненный опыт криком кричит, предупреждая: такая лафа долго длиться не может. Да я и не прячусь, любой расклад событий встречу достойно, не ожидая, что кто-нибудь восхитится моими делами. Сдаётся, Адама и Еву не Бог изгнал из рая; они сами, объевшись красивого и сладкого, сбежали. Правда, пока ем всё с аппетитом, и неизвестно, когда понадобится слабительное. Впрочем, одно знаю точно – проблемы за меня никто не решит.

Шарик поднимает ни свет ни заря. Ещё ничегошеньки не видно, и возникают сомнения в возможности пса ориентироваться во времени. Споткнувшись пару раз на ровном месте, развожу костёр. В мерцании огня быстро привожу себя в порядок и несколько раз осматриваю ночёвку, дабы не забыть чего. В предрассветных сумерках снимаемся со стоянки. Несколько взмахов вёслами – и наша посуда держится уже посередине реки.

Рассвет встречаем далеко от ночлега. Надо сказать, псу за раннюю инициативу достаётся. Местность вокруг не радует разнообразием форм и цвета. Справа в реку впадает речушка, на вид просто воробью по колено, но общая ширина резко увеличивается. Плыть посередине становится рискованно: случись ненароком ливень, промокнешь, как Маугли, пока до берега догребёшь. Скорость течения, похоже, не меняется, хотя вода заметно мутнеет. Достаю из-под целлулоида планшетки лист бумаги, там лёгкими штришками создаю картинку известных мест. Кстати, пишу новое название реки – Миасс; на нём стоит прекрасный город детства, Челябинск. Вот теперь какой стал правильный, а всего-то пару лет назад загибался под забором. Умора, да что-то не смешно.

После недели путешествия ландшафт меняется. В лесу появляются огромные поляны, деревья заметно выше и много толще обычных. Громоздкие животные стадами пасутся на нежно-сиреневых пространствах, залитых морем солнечных лучей. Причаливаем к берегу и решаем полюбоваться чудесами природы. Влезаю на одиноко стоящий утёс, надо сказать – зрелище не нравится. Животные напоминают жирафов, но с менее короткой шеей и плоской, прямо крокодильей рожей. За полчаса наблюдений ни одна из животин не подняла головы. Видимо, чтобы прокормить своё большое тело, они должны и во сне жевать. Впрочем, вдалеке пасутся целые стада иных созданий, но наблюдение прекращаю – оптика упакована на дне лодки, бежать за ней и вновь взбираться на утёс нет желания.

Дальнейшее путешествие больше напоминает туристический маршрут по центральной России, то есть – купание, рыбалка, даже солнечные ванны принимаем регулярно. Среди бесконечных лугов попадается большая роща. Деревья, конечно, пожиже, чем у нас, но вполне приличные. Шарик рвётся на охоту: видимо, рыбный рацион ему порядком надоел. Сам тоже

не прочь размять ноги. Беру дробовик с пулями и на всякий случай маленький пистолет-пулемёт с парой магазинов.

Недалеко от опушки натыкаемся на очень похожих на свиней животных. Кабаниха огромна, словно племенной бык, но это не останавливает пса. Действуя по веками отработанной схеме, он поднимает на ноги выводок, мирно грызущий коренья, и нагоняет жутким воем панику. Пока стадо мечется, Шарик отбивает пару молоденьких поросят и выгоняет на выстрел. Два раза без промаха дёргается ружьё. Мамаша порывается прийти детишкам на помощь, но жуткий вой убеждает в необходимости спасти то, что ещё можно. Возмущённо визжа, стадо убегает. Быстро и ловко свежую тушку, вторую отдаю охотничку. Он забрасывает кабанчика на загривок и с важным видом отходит в сторону.

Детские воспоминания словно коконом обволакивают мозг. Солнечная дорожка света в огромной кухне; мама, ещё молодая, ловко чистит картошку; кипит обливной чугунок, бросая жирные брызги на раскалённую плиту. Только миг требуется на испарение капли, но за это время она наполняет воздух незабываемым ароматом. Я только с улицы. На штаны с начёсом налипла плотная корка снега; в тепле, чуть подтаяв, она ненадолго превращается в ледяную броню. Хочется есть. Огромная фарфоровая тарелка до краёв наполнена красноватым борщом; перед глазами большая ложка, полная сметаны. Я осторожно, дабы не наплескать на белоснежную скатерть, размешиваю суп.

Сейчас, приладив пропахший дымом котелок на коленях, обжигаясь, глотаю варево. Вкусно; конечно, не домашнее, но очень похоже. Меж тем пёс, доедая порося, смотрит с немым вопросом: а стоило ли портить свежее мясо кипятком? Жаль, что он очень мало понимает в гастрономии.

Совсем не остаётся сигарет – это плохо. Есть, правда, несколько окурков, но их берегу как зеницу ока на самый крайний случай. Несколько дней обживаем полюбившуюся поляну. Почему-то рыба перестаёт клевать. На что только не пытался ловить – бесполезно. Такое впечатление, что рыбы в этих краях нет вовсе. Ранним утром, когда солнце ещё бросает первые, нет не лучи, а только отсветы, идём на охоту. Сегодня решили поискать крупного зверя, но, поскольку ни нрава, ни повадок не знаем, движемся с опаской. Наконец пересекаем звериную тропу. Тропой это вытопанное до бетонной прочности шоссе назвать трудно. Некоторое время чешу репу и несвязно размышляю, а как, собственно, можно охотиться на плоской, как тарелка, равнине? Идея замаскироваться в каком-нибудь кустарнике кажется совсем нелепой: а вдруг какая тварина питается ветками? Оглянуться не успеешь, затопчет. Поэтому сходим с тропы в сторону, и я прилаживаю к автомату оптику. Лежим под маскировочной тканью и ждём. Вчера стада проходили здесь примерно в это время.

– Шарик, карауль, я покемарю.

Удивительное дело, вроде и выспался, а, стоило поваляться без дела с полчаса, брат Морфей снова зовёт в гости. В чувство приводит ошутимый толчок. Пёс, видимо, уже не раз выливав лицо до зеркального блеска, кладёт лапу на плечо. В себя прихожу мгновенно, впрочем, зрелище этого стоит. Вообразите одновременное появление многих тысяч больших животных всех расцветок и форм. Объединённые в стада, они уверенно идут по одному им известному маршруту. Группы животных движутся параллельно, строго соблюдая дистанцию. Очень трудно даже представить себе количество корма, необходимого для такой армии.

Впрочем, не умничаем. Наша задача банальна и проста: завалить зверя и по возможности остаться невредимыми. Хотя, если честно, очень неудобно сидеть в засаде посреди безлесной равнины. Если что, и не убежишь. Специально для таких случаев таскаю автомат, а в этот раз прихватил и пару гранат.

Тишину нарушают только мерный топот да иногда резкие неприятные звуки. Толкаю пса, он понимает и ждёт результата. Я же ищу достойный кусок мяса. Наконец цель определена; зверь очень похож на лося, вот только рога у местного менее вычурны и смотрятся грубовато.

Дальнейшее вспоминается с трудом. То есть даже не так, организм входит в режим боя самостоятельно. Где-то на периферии ещё крутятся мысли о выстреле, а тело начинает борьбу с опасностью. Именно поэтому первые мгновения схватки совершенно не остаются в памяти. Помнятся только две огромные тени, атакующие с тыла.

Господи, как медленно двигаются руки! Автомат выбрасывает первые гильзы, когда начало пьесы уже завершилось. Шарик в одиночку схлестнулся с двумя очень быстрыми и опасными тварями. Видимо, мы нагло заняли их охотничьи угодья и, похожие на кенгуру звери явно недовольны. Пёс уловил опасность на несколько мгновений раньше, и это по большому счёту спасло наши жизни. Он выскочил наперерез и не допустил их до меня, но оказался атакован с двух сторон. Шарик бился умело и в основном уходил от смертельных ударов ногами и длинных, очень длинных когтей коротких передних лап. Но удача отворачивается в мгновение, когда один из ударов достигает цели. Пёс отброшен на несколько метров, и два хищника набрасываются на ставшую доступной добычу. От молниеносных ударов их чудовищных когтей от шкуры пса летят клочья. И вот только теперь «калашников» начинает тему.

Длинная очередь враз решает комплекс проблем. Шарик остается в живых, а атакующие ещё несколько мгновений бьются в конвульсиях. На мне ни царапины, но что сотворили гады с другом – и передать сложно! В его глазах только боль. Ломаю упаковку, и ампула с морфием наполняет шприц. Укол. Всё на автопилоте. Убрав возможный болевой шок, мешаю несколько микстур и обильно смазываю рваные раны. После тщательно перевязываю, изведя все запасы бинта и ваты. Горячка боя меняется апатией. Хочется просто лечь и уснуть. Вот только раненому моя апатия ровно до одного места.

Стада уже давно скрылись за горизонтом. Мучит вопрос, как теперь перетащить к воде тяжёлое тело? Здесь догадываюсь в минуту. Просто свежую одного из хищников. На снятую шкуру как можно аккуратнее укладываю друга. Дальше просто: впрягаюсь и тащу километра три. Надо сказать, первой шкуры хватило на большую часть пути, но, к сожалению, не на весь. Напив пса, возвращаюсь к месту схватки и потрошу уже другого.

К лодке добрался, когда солнце давно перевалило за зенит. Вполне естественно, не чуя ни ног ни рук. Шарик приходит в себя. Большой, литров на пять котелок опустел за несколько секунд. Я уже не дёргаюсь одновременно в разных направлениях, а просто делаю что положено в таких случаях. Солнце печёт ещё довольно ощутимо, поэтому устраиваю импровизированный навес. Пока пёс спит, натаскиваю на место стоянки хворосту. Причём не ленюсь, поскольку знаю, как сейчас его будет колотить озноб. В основной аптечке подбираю группу лекарств и вкалываю в обессиленное тело. Чего не пожалел, так это витаминов, и, как окажется впоследствии, не прогадал.

* * *

Могучий зверь спит... После схватки он наконец-то обрёл покой. Морфий быстро снимает боль и выгоняет из тела страх. Сны яркие, в них странным образом перемешиваются и времена, канувшие в лету, и совсем недавние события.

Он помнил всё; и сейчас, в забыты, ему виделись первые шаги в этой жизни и первый, самый первый друг. Цветные страницы далёкого детства рисовались подробно и красочно.

– Джек, Джек, – огромные ладони гладят маленькое тщедушное тельце. Щенок лизет руки и, поймав немигающий взгляд голубых глаз, улетает в их немыслимую глубину. Так рождалась великая, но странная дружба. Воспитание зверя, всегда жёсткое, временами даже жестокое, иногда перемешивалось с моментами нежности и ласки, которой одарял его воспитатель. Пёс своим незамысловатым умом не мог понять, кто этот человек – друг или враг и как нужно относиться к нему? Он не мог подолгу находиться без хозяина; даже незначительные отлучки переносил тяжело, впадая в депрессию, отказываясь от еды. Шло время,

и постепенно привязанность переросла в дружбу. Однажды, оставшись один, Джек кожей почувствовал присутствие друга. Он окликнул его и к огромному удивлению получил ответ. Зверь неожиданно увидел яркие картинки сказочного города, красивую женщину и зеленоватую воду, плещущуюся около её ног; теперь, по крайней мере, понятно, куда уходит друг. С той поры телепатические сеансы стали почти постоянными, и лишь приказы друга ненадолго прерывали общение.

Пёс рос. Из маленького щенка он превратился в зверя с огромной мышечной массой и свирепым нравом. А главное, пёс усвоил смысл жизни – ради друга будь готов на всё. Джек рос очень быстро, но, несмотря на это, первое серьёзное испытание ему выпало лишь на втором году жизни.

Большая поляна, неподалёку от весёлого ручейка. Запах великолепно прожаренного мяса щекочет чуткие ноздри. Много незнакомых людей. Они с другом идут к ним. Может, Джеку чудится, но он в центре внимания. Человек идёт впереди, а Джек, усвоив уроки дрессировки, уверенно прикрывает спину. От мясного запаха пасть наполняется тягучей слюной; пёс голоден, но не теряет бдительности. Люди не представляют угрозы.

Но вдруг в воздухе буквально возникает запах опасности – нечто совершенно непонятное в этой мирной обстановке. Пёс чувствует агрессивные намерения врага, скорее даже не намерения, а дикое желание убивать и злобу ко всему живому. Друг беззаботен, он не замечает ничего, и это не укладывается в голове пса: как можно быть таким беспечным?!

Пёс совершает короткий рывок и идёт рядом с хозяином. Ощущение опасности достигает пика. Наконец чужак, скрывающийся за деревьями, нападает. Атаку врага пёс встречает во всеоружии, и попытка карается жестоко. Джек перехватывает нападающего в полёте, но не убивает без приказа хозяина, а обездвигивает жутковатым способом – могучие челюсти перекусывают лапы врагу. Тот с диким воем катается по траве, пытаясь подняться. Оставив позади визжащего, пёс сам идёт вперёд... Ещё две твари лежат с разорванными глотками.

Запах крови будит самые древние инстинкты, и Джек ловит боевой кураж. Остаётся последний, самый крупный и ощутимо сильный зверь. Он приближается на расстояние атаки. Джек инстинктивно выбирает лучший вариант и встречает врага в воздухе. Столкновение... Противники катятся в разные стороны. Нападавший и не думает отказываться от схватки, но пёс чувствует, что сила врагов только в их количестве и внезапности, этот сейчас не представляет реальной угрозы. Джек спокойно идёт навстречу противнику и издаёт душераздирающий рёв, тот приседает от страха и в панике убегает. Пёс смотрит на хозяина вопрошающе – догнать? Человек подходит к другу, гладит его.

– Не нужно, Джек, ты сдал экзамен на «отлично».

По поляне ещё катается раненый чужак, пёс делает попытку покончить с ним, но его опережает выстрел Хозяина. Теперь внимание зверя переключается на людей – но опасности со стороны многочисленной и пёстрой толпы не чувствуется.

Схватка вызывает всеобщий восторг. Огромный кусок тёплого мяса шлёпается у лап; не теряя ни грамма достоинства, пёс важно берёт свой приз и отходит в сторону, ни на секунду не выпуская ситуацию из-под контроля.

– Великолепный пёс! Егорий, может, похатайствуешь, чтобы и мне разрешили завести друга? – пёс не помнит лица человека, в памяти остался лишь резкий запах обуви и хриплый голос.

* * *

Ночь прошла беспокойно. Шарик часто скулит. Несколько раз даю напиток и постоянно держу сильный огонь, не давая псу замёрзнуть. Далеко за полночь почудилось что-то стран-

ное. Точно совсем рядом движется нечто. Причём без малейшего шороха и почти неощутимо. Несколько минут вглядываюсь в темноту. Никого. Надетый в спешке прибор ночного видения оказывается бессильным перед новой напастью. Я далеко не мальчик и к предчувствиям беды или опасности отношусь серьёзно. Автомат на очереди, и с ним наперевес обхожу стоянку. Тихо. Только пламя разбрасывает по степи тысячи искр, каждая из которых целый миг успешно конкурирует со звёздами.

Плеск воды. В неровном свете костра видится нечто из ряда вон. Мощный фонарь немного прояснил картину: впечатление такое, что от берега до берега на дне лежит чудовищных размеров сеть. Сейчас она приходит в движение и начинает сворачиваться в плотный рулон, выбрасывая через ячейки воду, оставляя всю живность внутри. Не знаю почему, но эта тварь вызвала такое омерзение, что не задумываясь бросаю в довесок к улову РГД-5.

Гидроудар так стукнул ночную хищницу, что я ещё несколько минут наблюдал жуткую пляску предсмертных судорог. Наконец всё стихло. Плавное течение реки уносит страшные останки вниз. Прихожу в себя и чувствую, как клацают в нервной дрожи зубы. Трясущимися руками извлекаю из металлического портсигара окурки побольше и с каким-то диким восторгом делаю две глубокие затяжки. Табак, кружа голову, притупляет эмоции.

Ночные приключения уходят с первыми признаками зари. Ещё раз осмотрев Шарика, решаю несколько минут поспать, иначе надолго меня не хватит. Под вывернутой ветром корягой достаточно места, чтобы расположиться с минимумом удобств; небольшой кусок маскировочной ткани вычёркивает меня из пейзажа. Не скажу, что выпался, но и клевать носом весь день уже не буду.

Сняв футболку, умываюсь и привожу в порядок заспанное лицо. Раньше бы поплавал в тёплой, мягкой воде, но после ночного приключения как-то не тянет окунуться. Пёс приходит в себя.

– Ну что, Шарик, давай перевязку делать, – это странно, но мне показалось: пёс понял.

Приношу в котелке воду и размачиваю засохшие бинты. Процедуру приходится повторить несколько раз, пока наконец повязка не отстала от кожи. Надо сказать, на раны, выглядевшие вчера воистину страшно, сегодня уже можно смотреть без содрогания. Не зря говорят, что заживёт как на собаке. А мой зверь вообще нечто особенное. Да, несколько ран ещё обильно кровоточат, но остальные-то уже покрылись тонкой коростой. Минут сорок уходит на перевязку, вкалываю приятелю от всей души усиленную дозу антибиотиков и приличный шприц витаминов. Глажу большую лобастую голову, молотя всякую ахинею. Шарик лизнул руку и уснул.

Так совершенно незапланированно на невзрачной стоянке проводим неделю. Пёс быстро идёт на поправку и через пару дней отправляется на охоту. Хромая на все ноги, едва живой, пёс тем не менее отправляется в обход территории. К обеду это была уже не бледная тень – да, слаб, но уже ветер его не качал. На третий день, передав охранные функции по назначению, сплю. Только к вечеру Шарик удаётся сломать мой сон.

Глава 5

На этом экстрим оканчивается. Ещё несколько дней отдыхаем. Кстати, начала клевать рыба, и как клевать! Мой друг каждый раз буквально отползал от садка. Дабы не потерять уважения к себе, пошли на охоту ещё раз. Но теперь не оставили места неожиданностям. Десять раз проверены все припасы, почищено оружие и по-новой заряжены магазины. Впрочем, при такой подготовке никогда ничего и не случается.

Валим последнего из стада похожего на очень худого бегемота зверя и наблюдаем полное равнодушие к его судьбе со стороны соплеменников. Конечно, никакого азарта такая охота не приносит, и мы, разочарованные, грузимся мясом и возвращаемся к реке. Следующим утром, заняв места в лодке, вновь плывём вниз по течению, в неизвестность.

Ветерок приносит свежий влажный воздух. Горизонт всё чаще затягивается свинцовыми тучами. Громатные молнии перечёркивают небеса. Ливни кратковременны, но очень сильны. Плыть приходится, постоянно прижимаясь к берегу.

Река, приближаясь к устью, делится на множество рукавов. Островки между ними сплошь укрыты невысоким кустарником, в гуще которого бурлит неведомая жизнь. Поражает обилие рыбы: дело доходит до того, что крупные особи, резвясь, часто находят пристанище на дне лодки. К такому мы с Шариком относимся с полным пониманием. Смущает другое. Здесь в благословенном климате столько развелось всяких гадов – поневоле приходится уворачиваться, когда вслед за рыбой в лодку летит чёрт те что. Шарик, заняв место вперёдсмотрящего, довольно успешно пресекает попытки всякой сволочи прокатиться зайцами. Змеи рвутся на куски, не долетая до цели. Вида они устрашающего и преобладающе кусаются; одна так вцепилась в бок собаки, что пришлось отстреливать ей голову, иначе невозможно было разжать челюсти.

Устав от бесконечной борьбы, причаливаем к берегу и подвергаем наш корабль некоторой модернизации, а именно: за неимением лучшего натягиваем сверху лодки мелкочаеистую маскировочную сеть. Положенные посреди лодки наши нехитрые пожитки приподнимают сеть, позволяя перемещаться внутри более-менее свободно. Это простое приспособление ограждает нас от змей. На песчаном берегу греются на солнышке огромные, похожие на поваленные стволы вековых деревьев, крокодилы. Только одного немного заинтересовал наш замаскированный крейсер, но, к счастью, он не полез в воду проверять проплывающий мимо непонятный предмет. Такая проверка могла закончиться для лодки плачевно: один удар хвоста рептилии – и наше судёнышко разлетелось бы в клочья. Противостоять такому монстру в его родной стихии бесполезно, шансов остаться живым практически никаких. В это время было очень страшно: сам ужас дрожью поджилок гнал из тела пот. Шарик не обратил на тварей ни малейшего внимания, чем, признаться, удивил.

Последняя ночёвка перед морем. Провидению угодно создать в шаге от большой воды несколько островков. Намыкавшись за день, с трудом устанавливаю палатку. Пёс, обследовав округу, валится неподалёку. Пару раз пришлось сплавить на соседний островок и, изрядно помахав топором, нарубить сучьев для костра.

Ночь обрушивается на лагерь сразу. Настроение отнюдь не поэтическое, хотя чёрный хрусталь неба в серебре огромных звёзд бесподобен. Тупо иду спать. Пламя костра лижет сырые сучья с неохотой, но огонь уже довольно силён.

– Шарик, разбудишь дров подкинуть! – произношу последнее и, рухнув через порог палатки, засыпаю.

Заря ещё только бросает небу даже не лучи, а первые робкие отблески, как наша лодка снимается с якоря. Солнечные зайчики обстреливают нас уже в плавных волнах бескрайних вод. Дошли! Радость и восторг вскоре сменяются заботами. Первым делом надо определиться, куда причалить. Плывём направо и, задействовав моторчик, находим очаровательную бухточку

в нескольких километрах от устья. Отгаскиваю лодку подальше от берега и, просушив, укладываю в мешок. Решаю от греха подальше прикопать всё несъедобное и не особо необходимое. Небольшой холмик – самое заметное место в округе, и никакой прилив не доберётся до схрона. Лопата легко углубляется в мягкую почву. Вещи укладываю в строгой очередности, после чего маскирую поклажу и возвращаюсь к облюбованному месту стоянки. На полпути начинается дождь, но он лишь успевает освежить краски да прибить пыль, немного намочив и меня, и вещи.

Широкий, покрытый голубым песком пляж девственно чист. Хрустальные волны набегают на берег, оставляя после себя полоску сырого песка. Небо очистилось, лишь кое-где спешат к горизонту небольшие облака. Вода ощутимо солёная – скорее всего, мы нашли пристанище на берегу огромного моря. Делаем несколько ходок за дровами. Течение натащило в устье огромные запасы древесины; решаем воспользоваться дармовым источником энергии. Заготовив хворосту впрок, балдеем. Целыми днями валяемся на песке, купаемся в тёплой солёной воде.

Степь вокруг кипит жизнью. Мимо постоянно что-то бегают, ползает, жужжит, но Шарик совершенно спокоен – значит, опасности нет. Воздух пропитан солью, свеж, не надышишься. Достав брезент из вещмешка, замачиваю его в морской воде. Мокрый и тяжёлый выволакиваю на сушу. Когда высохнет, соскребу соль – запасы тают на глазах. За время путешествия преодолены сотни километров, и уверенность в том, что разумной жизни на планете нет, значительно укрепляется. Ибо невозможно представить такие благословенные места незаселёнными.

Золотые денёчки тянутся долго, ведь дома никто не ждёт, а значит, и торопиться некуда. Заготавливаю приличный мешок соли. В следующий раз, возможно, организую специальную экспедицию за ней. Часто мелькают мысли, не остаться ли здесь насовсем? Но ряд мелких проблем, в частности отсутствие дичи и зверья для серьёзной охоты, а также наличие песчаных паразитов, укусы которых страшно чешутся, перечёркивает для меня все достоинства местного бытия.

Наконец приходит день, и мы прощаемся с тёплым ласковым морем. На своей карте обозначаю – Русское. Пора домой, и, тяжело грузённые оружием, солью, палатками, делаем несколько ходок к лодке. Пёс хоть идёт с грузом, ухитряется ловить и жрать на ходу маленьких серых зверьков. Правда, длинные заячьи уши стоят, а на эти радары можно положиться. В известном месте выкапываю мешок с лодкой и прочими походными прибабасами. Маленький, чуть больше игрушечного моторчик уверенно заводится и довольно лихо тащит тяжёлую лодку против течения. По инструкции ёмкость батарей настолько значительна, что при хорошем раскладе вёслами махать не придётся. Тропа домой всегда короче. Наученные горьким опытом, при входе в реку загодя натягиваем тент. Отрезанные от реальности мелкой ячейки сети, любимся буйством красок природы. Чудесные места! Так же свечками вылетают из воды крупные рыбины, сверкая на солнце перламутром чешуи.

Вечером разбиваем лагерь на сухом пологом берегу. Река исправно снабжает дровами, и это позволяет жечь костры, не экономя топливо. Сильное пламя ведь греет не только воду, но и душу. Лёгкий ужин из зажаренных на шомполе небольших рыбок, обильно приправленных специями и солью, – воистину мечта туриста. Шарик важно отказывается от своей доли и, кивнув головой, исчезает наводить порядок на вверенных землях.

Тянутся довольно однообразные дни. Свердловский моторчик выше всяческих похвал, ни одного сбоя. Хоть мы, челябинцы, не слишком жалуем ближайших соседей, но великих мастеров там по-прежнему, несмотря на все переименования, хватает. Любуемся природой, рыбачим. Надоедает плавание, бросаем – и на охоту!

Несмотря на все приключения и отсрочки, приближаемся к дому. Дрожа от странного нетерпения, выжимаю из двигателя всё. До места подать рукой, но сегодня уже не успеть; смеркается, а плыть в ночи как-то не приходилось.

Высаживаемся на берег, всё банально – костерок, ужин, звёзды, Шарик, исчезнувший в ночи. Вот только, пожалуй, бессонница, нечто не обычное. Просто не спится. Господи, сколько же я бы дал за одну-единственную затяжку! Странно, но прежде меня не очень тревожила ностальгия. Сегодня же до спазмов хочется тупо уткнуться в телевизор, зубами сорвать жестяную пробку с бутылки пива и залпом выпить янтарную жидкость. Всё представляется так реально, что отчаяние рвёт душу и крошит зубную эмаль. Засыпаю уже под утро.

Шарик долго и упорно пытается подняться, но сегодня я не спешу. Несколько раз, поймав этого кабана за уши, шлёпаю по голове, пытаюсь втолковать – не мешай. Впрочем, сколько не валяйся, всё равно придётся вставать. От пересыпа болит голова – долго держу её в прохладной воде, ожидая, когда мозги придут в норму. Просыпаюсь окончательно после пары кружек кипятка едва разбавленного кофе. А что делать – пришлось ввести до дома режим жёсткой экономии. Странно, но местность кажется знакомой. Пройдясь по берегу, обнаруживаю старое кострище. Конечно, именно здесь Шарик едва не утопил наш линкор, а я нашёл несколько красивых кристаллов.

Ещё пару минут назад хотел порыбачить, а сейчас руки почти самостоятельно извлекают из пожитков тазик. Сегодня планировал быть дома, а сейчас сомневаюсь. Промывку начинаю на старом месте и, надо сказать, значительно преуспеваю. Если в самом деле камни – это алмазы, то по земным меркам становлюсь сказочно богат. Но это по земным, здесь этот каменный урожай не стоит и ружейного патрона. А вдруг? В общем, сидор, в который упаковываю камни, уже величиной с голову верного друга, а у меня странное ощущение – алмазы скоро понадобятся.

В приподнятом настроении, насвистывая незатейливый мотив, несую добычу в лодку. Засмотревшись на выверты сытого и счастливого пса, спотыкаюсь и очень неудачно падаю. В голове гудит, и снопы искр летят из глаз, норovia спалить всю округу. Придя в себя, вижу перед носом блестящую гранёную поверхность. Присев, долго трясую головой, прогоняя наваждение. Бесплезно, оно и не думает уходить. Руки ещё дрожат, но работают исправно, и вскоре выкапываю из земли кристалл. На гранях, очищенных от грязи, солнечные лучи, дробясь, играют всеми цветами радуги.

Камень огромен. Удивительно чистый красный цвет вкупе с правильностью кристалла и отсутствием малейших вкраплений и сколов восхитителен в своей природной красе. Он один занимает объём едва ли не с половину мешка. Отложив кристалл в сторону, копаю рядом с находкой, больше не собираюсь мыть. Попадётся такое, не пропущу, а заниматься мелочёвкой уже неохота. Лопата быстро натывается на что-то твёрдое. Сердце колотится значительно слабее, хотя находка даже чуть больше предыдущего экземпляра. Аккуратно очищаю камушек и вновь восхищаюсь качеством и цветом. Вот это да! Последующие поиски позволяют обнаружить ещё три гигантских кристалла. Голова становится тупой, как натянутый на неё пробковый шлем. В груди зажигается огонь азарта и, как ни удивительно, алчности. Остатки сознания кричат о близости дома, голоде и массе проблем, ожидающих вскоре. Укладываюсь в лодку и на максимальной скорости покидаю месторождение.

Моторчик уверенно тянет к дому. Узнавая знакомые места, чувствую – скучал. Шарик тоже не находит себе места. В лодке то лежит, то соскочит, то скулит, то воет. Наконец, и наш ручей. Не знаю почему, но творю крестное знамение и низко кланяюсь родным краям. Видимо, этот ритуал возвращения блудных сынов не изменился за столетия и по-прежнему актуален. Боже, вокруг всё своё, даже воздух пахнет по-особому! Пёс остаётся охранять лодку, а я, нагрузившись оружием и солью, заново торю тропку к хижине. Это, собственно, и разведка, на случай, если какая сволочь шляется в округе.

Принимая все меры предосторожности, двигаюсь по заросшей тропинке. Ничего подозрительного не попадает в плоть до порога. Увитая плющом избушка совершенно незаметна. Сердце радостно бухает в груди, но глаза внимательно осматривают местность.

Глава 6

Отряхнув обувь, захожу в дом. В полумраке тихо и прохладно, пыль тонким слоем лежит на блестящих поверхностях термосов НЗ. Складываю лишний боезапас у лежанки. Мешок соли сразу же рассыпаю по всевозможным ёмкостям – слишком уж ценна добыча. Ещё раз внимательно осматриваю все закутки – нет, никто не входил в наше жилище. Притворив дверь, несколько минут трачу на маскировку. После ещё раз обхожу всю территорию. Несмотря на все старания, ничего подозрительного обнаружить не смог.

Багаж громоздкий и тяжёлый, даже при помощи пса потребовалось три рейса. Ночью, совершенно обессиленный, падаю на лежанку в прохладной комнате. Сон, вместо того чтобы сразу свалить, пропал куда-то. Странное возбуждение охватывает организм, а ещё Шарик деятельно носится по двору, наводя порядок. Слышатся какой-то писк, скрежет зубов и довольный рык пса.

Снаружи полная тьма; зажигаю лампадку, и длинные тени оживают на стенах. Появляется некая таинственность, точно открывается дверь в параллельный мир и оттуда валом валит всякая чертовщина. Я, как простой русский герой, беру благородный меч, к полированному лезвию которого не липнет враждебное, и весь в доспехах тащусь на стороне добра бить посланцев тьмы. Круто! Ощущаю на губах поцелуй освобождённой царевны, восторженный рёв толпы, не посмевшей вовремя наступать по рогам супостатам. Грёзы перетекают в сон. Я и там бьюсь с чёрными страшными монстрами, и мне многое удаётся.

Яркое солнечное утро. По песчаной тропинке делаю несколько разминочных кругов. Пёс уже без удивления посматривает в мою сторону, но делить с другом прелесть утренней разминки не спешит. Бегая по кругу, составляю чёткий план на день. Необходима проверка тайников, амбаров, надо прибрать в избе, поесть приготовить да ещё и семена перебирать пора, поля обработать к посеву – короче, вкалывать неделю.

Начинаю день с уборки: подметаю пол, одновременно разжигаю печь и бросаю в кастрюльку с водой подстреленную вчера утку. Выбрасываю для просушки постельные принадлежности и, дав ему чуть полежать на ветру, трясусь и хлопаю. От поднятой пыли бедный пёс смешно чихает и строит уморительные рожи, чем доводит до хохота. Смех ему не нравится, и он, обидевшись, уходит к дальним кустам, игнорируя все попытки к примирению.

Мурлыча под нос песенку, чищу картошку, острым ножом мелко режу немного ароматных кореньев. Забросив в бульон горсть перловки, жду, пока разварится. Заправляю супчик картофелем и приправами. Аромат свежего варева вытаскивает из кустов обиженную собаку. Шарик гордость не позволяет просто так вернуться, но на зов откликается мгновенно. Совместная трапеза способствует примирению.

Поболтав после обеда за жизнь, идём проверять схроны. Надо сказать, тогда, в первые дни, я очень удачно нашёл места и способы маскировки. Сейчас и сам с трудом нахожу запасники. Уже вечерет, когда осмотрел последние, не найдя ни одного потревоженного. Амбары сухи, грызуны в них не проникли. Порядок, но что-то тревожит душу, где-то там, на уровне интуиции. Решаю завтрашний день потратить на проверку, то есть пошарить по округе. В поисках чего? Да сам не знаю.

Иду обратно... Стоп! В мозгу включается сигнальная лампочка. Э, тут непорядок. С трепетом возвращаюсь назад, к небольшому кусту бамбука, моля всех святых об ошибке. Но нет, несколько стволов срезаны острым, словно бритва, лезвием. Дело, правда, было дней шесть назад, но это не меняет ситуацию. Срубить просто так это растение чертовски сложно. Для этого необходима не просто сталь, а высоколегированный сплав, причём со специальной заточкой лезвия. Уж в этом деле, поверьте, я специалист. А здесь получается, что некто, словно цве-

точки прутиком, рубит крепчайший куст и, не останавливаясь, идёт дальше. Но кто?! Загадка, от решения которой теперь зависит жизнь.

Встревоженный Шарик крутится рядом, явно не понимая причины беспокойства. Рука гладит пса по холке, беззаботная жизнь при любом раскладе закончилась. Пора принимать меры. Осмотр кустарника ничего нового принести не может, поэтому, соблюдая все меры предосторожности, возвращаемся домой.

Первым делом маскирую жилище. Оно и раньше в глаза не бросалось, а сейчас с двух шагов не отличишь от заросшего травой холмика. Проверяю и тщательно чищу оружие. Возвращается давно забытое ощущение тревоги. Больше всего треплет нервы неизвестность. Делю оружие – несколько стволов и часть боезапаса прячу по недавно проверенным тайникам. Сам перебираюсь в укромное убежище: рисковать домом, налаженным бытом не имеет ни малейшего смысла. Землянка встречает запахом затхлости и пыли. Застилаю кровать да разбрасываю по углам нехитрый скарб. Временное и есть временное, уют тут создавать не к чему.

Проверив амуницию, укладываю вещмешок. Трясу, ничего не звякает. Продуктов в поиск беру немного, в основном сушёное мясо, соль, крупы. Свежатины и по ходу подстрелю. На автомат навинчиваю глушитель, прищёлкиваю оптику. Кожаный чехол прячет прицел, а пластиковый мешочек не пустит пыль в ствол. Гранаты удобно ложатся в подсумок, даже запалы вкручиваю. К бою готовлюсь основательно, главное здесь не допустить ни малейшего изъяна и не считать противника тупее себя. Найденные маскировочные кремы тоже укладываются рядом с боеприпасами. Так в хлопотах и тяжёлых раздумьях пролетает вечер.

Не спится, рой мыслей в голове мешает и не даёт спокойно отдохнуть. Ведь если человек или нелюдь рубит не мешающий движению куст, значит, идёт налегке. Раз так, поблизости стоянка или даже поселение. В таком случае должны остаться конкретные следы, и найти их на сегодня главная задача. Искать буду расширяющимися полукругами в северном направлении. То, что обнаружу разгадку, даже и не сомневаюсь.

Как здорово было ещё вчера: вооружённый до зубов, не опасался ни диких зверей, ни хищных птиц, ни даже монстров, если, конечно, они водятся в здешних местах, но приходит самый страшный зверь – человек, и тема становится во много раз опаснее. А ведь это моя планета – никто не будет без разрешения гулять по ней и уж, тем более, жить. Хотя, если добрался земной десант по МпЭсу, для начала просто похожу за ними, а дальше по обстановке ориентируюсь. Кстати, надо проверить кабинку метро, может, Земле удалось восстановить канал?

Несмотря на непроглядную тьму, буквально на ощупь добираюсь до дуба. В портале включаю фонарь – новые, сбережённые для такого случая батареи дают море света. Спускаюсь в тесное, душное помещение. Нет, тут мертво, как в склепе. Загадка усложняется: ведь установить новую кабину очень непросто. Не телефон провести от АТС до строящегося дома. Должен подойти другой «Сеятель», сбросить зонды, произвести хотя бы предварительную разведку. Потом роботы установят точку мгновенной транспортировки. Получается, бродили не люди, тогда кто? Аборигены? Очень сомневаюсь – обладать таким режущим инструментом может только технически продвинутая цивилизация. Она предусматривает высокую плотность населения, развитую инфраструктуру, особенно в благоприятных климатических условиях. Конечно, я мог прибыть на планету в районе некоего заповедника, но путешествие длиной в сотни километров, при котором не обнаружилось даже ни малейших признаков разумной жизни, явно указывает на её отсутствие. Что остаётся, неужели инопланетяне? Не, пацаны, тогда вы опоздали. Планета заселена.

Глава 7

Ещё темно, а мы в пути. Во мраке добираемся до злополучного куста, чтобы с первыми лучами начать поиск. Осмотрев при свете прилегающую местность, беру резко влево и двигаюсь полукругом в общем направлении на север. Пёс оживлён и насторожен; глядя на меня, начинает активный поиск.

До вечера делаем три больших зигзага, не обнаружив ничего. Шарик регулярно таскает небольших зверушек, интересуясь, не это ли ищем? Убедившись в отсутствии внимания к добыче, смачно хрустит косточками бедных животных. Смеркается, останавливаемся на ночлег возле небольшого ключа. Холодная, прозрачная, как слеза, вода весело журчит, питая маленький ручеёк. Костёр в целях конспирации не разводим, перекусываем сухим пайком. Засыпаю быстро, сновидения в этот раз обходят стороной.

С раннего утра, умывшись ключевой водой и наскоро перекусив, продолжаем розыск. Только на третий день в колючей траве под огромным деревом нахожу нитку. Видимо, зацепился острый шип за ткань да и вырвал тоненький серебристый волосок. Ничего интересного больше не обнаруживаю, хотя исследую на пузе мало-мальски подозрительные места, оставив в колючках намного больше ткани, чем неведомый противник. Впрочем, сейчас, по крайней мере, известно направление движения.

Совсем небольшим зигзагом, намного быстрее преследуем нарушителя спокойствия. Возле ручья натываюсь на оставленный на сыром песке отпечаток ботинка. Ребристая подошва оставляет изумительный след, пропадающий в траве, но по примятым стеблям определяю длину шага. Прошедший здесь ростом примерно с меня, где-то под метр восемьдесят пять. Не хромой, шаг уверенный. Если и несёт груз, то не тяжёлый. Значит, рядом лагерь или поселение. Напряжение возрастает, ведь человек, сшивший такие мокасины, далеко ушёл от каменного топора. Наношу маскировочный крем и проверяю оружие. Пёс внимательно смотрит на меня, словно понимая опасность положения. Местность впереди слегка холмистая, деревья так же редки и огромны. Сиреневый ковёр жёсткой, колючей травы с редкими ярко-красными цветами то и дело пытается спутать ноги. Идти сложно.

Рассматривая в бинокль дальнейший путь, не нахожу изменений ландшафта в обозримом пространстве. На пути длинный овражек, тянущийся в нужном направлении. Спускаюсь и быстрым шагом, скрытый со всех сторон, иду вперёд. Овраг кончается неожиданно. Пёс вылезает первым, и сразу чувствую его тревогу. Принимая все меры предосторожности, покидаю овраг. От увиденного душа уходит в пятки. В лёгкой дымке проступают белоснежные купола. «Лагерь пришельцев» – мелькает в голове. Предельно осторожно, путаясь в длинных стеблях травы, ползу ещё с километр. Стоянка как на ладони. Отпустив пса, лезу на дерево.

На тщательно спланированной территории ни души. Кругом тишина, мёртвая, давящая на уши. Нет ни часового, туго и с техникой. Спят, что ли? Проходит второй час наблюдения. От напряжения слезятся глаза. Четыре куполообразных шатра из сверкающего на солнце металла – основа поселения. Они расположены правильным ромбом и связаны между собой дорожками с твёрдым покрытием. На дальнем конце, рядом с небольшой палаткой, находится нечто очень напоминающее тарельчатую антенну. Там же приличная круглая площадка, видимо, посадочная. А вот что на неё садится, посмотреть было бы очень любопытно.

Шарик, глядя на меня, тоже прячется, но это скоро ему надоест, и он начинает деловито слоняться по округе. Пёс совершенно спокоен – видимо, лагерь пуст, но идти в разведку, когда солнце заходит, без подготовки глупо. Единственное, что успеваю, – ближе подобраться к шатрам. Если с утра будет тихо, разведую территорию.

Громадные звёзды над головой волей-неволей навевают мысли о святом и вечном. На родине о вечности рассуждают немногие, основная задача масс заключается в элементарном

выживании. Идеи, брошенные в смутное время одним далёким от жизни политиком, так короят страну, что никакой враг не нанёс бы и сотой доли ущерба, причинённого реформами. Глядя на здоровущую ряшку депутата, зовущего ударным трудом помочь встать на ноги молодой России, поневоле усмехаюсь... Она у нас каждые сто лет молодая, и, поднимая эту громаду раз за разом, похоже, надорвались. Когда в очередной раз наступит момент возрождения, поднимать её с колен будут наши братья с несколько другим разрезом глаз. Устали русские так жить. Являясь интернационалистами по своей сути, мы многое отдали, приобщая к цивилизации народы, живущие рядом. А теперь они, грамотные и сытые, лихо вытирают ноги о наши святыни, откровенно издеваясь. Но где-то в глубине души живёт чувство собственного достоинства, чести, правда, основательно затёртое последними веяниями жизни. Упаси бог, если однажды оно стрельнет...

От проклятых мыслей даже во сне руки судорожно сжимают автомат – русское чудо генерала Калашникова. Ну какое, казалось бы, дело сейчас до родины, однако не спится. Фляга с водой оказывается у рта. Жадно пью, с рассветом понадобятся силы, а я при таком раскладе не лучше сонной курицы. Настроив мысли на более спокойную тему, о бабах, быстро засыпаю. Утром будит пёс – видимо, беспокойство охватывает его тонкую натуру. Открыв глаза, лежу не шевелясь, чувствуя постепенное возвращение сил. Солнце только всходит. Утренние сумерки бросают на местность длинные тени. Ни звука кругом, даже обычный лёгкий ветерок не путается в листве. Придя в себя, занимаю наблюдательный пост.

Лагерь словно нарисован талантливой рукой художника-фантаста. Вокруг удивительно красиво. Справа круглое, точно циркулем начерченное озеро. Слева гористая возвышенность и бирюзовое небо над этим. Пёс нервничает: зову с собой в лагерь, ни в какую. Ситуация перестаёт нравиться. Мощный бинокль не помогает делу. Впрочем, где-то на уровне подсознания и сам начинаю чувствовать тревогу. Сторожевая система организма предупреждает об опасности. Внимательно вслушиваюсь в звенящую тишину утра, текут минуты, ничего не меняя в мире. И вот далеко-далеко робкий звук нарушает мирный покой леса. Мерный бой барабана. Медленно приближается, и вскоре к ударам добавляется топот тысяч ног, причём упорядоченный топот. Так ходит армия.

Вскоре из-за утёса на площадку перед шатрами ровными колоннами выходят армейские подразделения. Мозг услужливо даёт справку о численности, нечто в пределах пяти тысяч особей. Именно особей. Вглядевшись в аборигенов, плюю под ноги. Блин, только гоблинов не хватало для полного счастья! Уродливые плоские, какие-то безносые лица, рты с кривыми зубами, никогда не знавшими зубной пасты. Короткий ёжик синих волос над поистине неандертальским лбом завершает неприятный портрет среднего военного. Колонны окружают посадочную площадку, и командиры разрешают оправиться.

Это называется Андрей Егорович попался. Ничего путного на ум не приходит. Пока лишь наблюдаю за разворачивающимся действием.

Вооружение духов составляют мощные под их могучие тела боевые луки и кривые лёгкие сабли. Металлических доспехов не наблюдаю, скорее куртки из толстой кожи с одинаковыми нашивками. На головах колпаки одного фасона. С армейским контингентом ясно. Но кто тогда оставил след у ручья, где на песке отпечатался мощный протектор? Все аборигены босы, даже командиры. Одни вопросы, без малейших намёков на ответы. День бодро движется к середине, и в тенёчке жарко, а каково бойцам на солнцепёке? Но войска ждут, даже в туалет не бегают.

Неожиданно начинает суетиться комсостав, строя подчинённых. Пёс, доселе спокойно лежащий в ногах, нервничает. Ещё раз осматриваю местность, не находя ничего нового. Появляется ощущение какой-то необычности. Шарик резко поднимает голову и клацает зубами, мгновенно оказавшись на ногах. Теперь вижу и я, так и есть – НЛЮ, причём в классическом дискообразно-сверкающем исполнении.

Посадка. Тарелка останавливается в полуметре от земли. В овальном боку протаивает отверстие. Гнетущая тишина опускается на лагерь. Возникает ощутимо давящее на уши и перехватывающее дыхание, полнейшее безмолвие. Тоненький визг и последующий рёв тысяч глоток заставляют нас подскочить. Из люка НЛЮ плавно выплывают, не касаясь земли, десять человек в отливающих серебром одеяниях. Длинные белые волосы спадают на плечи, плотно обтягивающие одежды подчёркивают совершенство фигур. Бабы!

В мозгах щёлкает, словно включается свет. Как Рокки из мультика о Чипе и Дейле, увидевший сыр, ползу к лагерю, не видя ничего. Шарик хватается за ногу и не пускает. Острая боль приводит в чувство.

Ветерок, дует в нашу сторону, приносит запахи давно не мытых тел. Дрожащей рукой достаю портсигар, в нём три последние сигареты. Одна из них во рту, зажигалка с пробуксовкой, но даёт огонёк. Лёгкое головокружение вызывает давно забытое состояние эйфории. Расслабившись, едва не пропускаю самое главное. Девушки висят с двух сторон тарелки, образуя своеобразный коридор до небольшого возвышения. Раздаются удары барабана, и из люка выплывает ещё одна фигура. Длинное белое платье с короткими рукавами, платиновые волосы, уложенные в замысловатую причёску, заставляют сердце биться в два раза быстрее. Дрожащий от возбуждения бинокль не позволяет разглядеть лицо. Драгоценные камни в поясе, браслетах, искусно вшитые в платье, вплетённые в волосы, при попадании солнечных лучей одевают женщину в радужный наряд.

Гоблины падают ниц и дружно воют здравицу. Сие мероприятие очень напоминает явление Христа народу. Для моей скромной натуры явный перебор. Но этим простым гоблинским парням действие нравится. Богиня на земле и направляется к возвышению. Барабаны убыстряют темп, звучат громче и громче, в ритме начинают проскакивать какие-то металлические звуки. Напряжение нарастает. Даже я чувствую необходимость падения на колени и долбления лбом местной почвы в честь посещения нас, забытых тварей, богиней света и красоты. И только прагматичный ум человека двадцать первого столетия отсылает это чувство так далеко, что, пожалуй, лишь в России вам укажут точную дорогу.

Всеми сверхъестественному найдётся логичное объяснение, на Земле йоги и прочие тибетские монахи летают, ну и что? Здесь для не очень продвинутых ребят эти детские чудеса, что творят дамы в белом, божественны. Женщина, подойдя к импровизированной трибуне, поднимает правую руку с длинным полированным кинжалом. Хлопок – валит жирный чёрный дым. Лёгкий ветерок быстро сносит пелену в сторону, открывая вид на готовые, то есть без шкур и копыт, туши десятков быков. Вопли восторга долго не стихают. Шаман с барабаном шустро организывает костры. Судя по количеству провианта, банкет намечается знатный. Кроме мяса дым оставляет после себя довольно серьёзные ёмкости, что вызывает ещё больший энтузиазм у широких народных масс.

Шаман командует, и солдаты дружно тащат из шатров столы, скамейки, а также кое-какую посуду. Всё расставляется вокруг костров, что очень удобно – бегать далеко не надо. Быков бойко насаживают на вертела, и очень скоро до меня доносится запах жареного мяса. Аромат незнакомых пряностей вызывают обильное слюноотечение, поэтому решаю перекусить, дабы не захлебнуться слюной.

Гомон в лагере нарастает, открываются бочки, и льётся по чашам ароматное вино. Богиня в сопровождении девушек направляется к самому большому шатру. Там почётный караул, стуча похожими на лопаты ладонями себя по «фанере», падает на колени. Эскорт исчезает в шатре, а в лагере начинается шальной гудёж.

Смеркается... Вино у гоблинов льётся рекой. Наношу на лицо грим и, справедливо полагая, что войску сейчас не до одинокого бродяги, иду в разведку. Шарик тоже порывается, но, понюхав кулак, остаётся. Проверяю оружие, особенно засапожник и метательные ножи, в ближ-

нем бою они надёжнее. Пора в лагерь искать ответы на уйму вопросов, возникших в последнее время.

Ползу медленно, опасаясь мин. В памяти оживает случай, когда дружок Володька, идя снимать часового, подорвался. Сам погиб, царство ему небесное, и такой шум поднял, еле сумели ноги унести. Добираюсь до дорожки, соединяющей два шатра. Дальше становится попроще, на бетоне ловушки не устраивают.

Неожиданно перед носом возникают огромные босые ноги и так же исчезают. С трудом перевожу дух. «Шляются тут всякие!» – вырывается чуть не вслух. Пока словно удав шлифую землю, НЛЮ поднимается метров на сто; помигав иллюминацией и прочими спецэффектами, тает во тьме.

Твёрдый металлический, но тёплый, как живой, материал купола чуть потрескивает под ладонями. Обшариваю вкруговую, но ни одной значимой щёлочки не обнаруживаю. Что дальше? Мочить караул или исчезнуть, оставив разгадку на потом? Почти нырнув в спасительную тьму, замечаю, что караул исчез. Гомон за спиной не утихает, ребята влились в компанию, справедливо опасаясь остаться не у дел. Мгновение, и я внутри. Довольно яркий свет почти не оставляет теней на полированном камне пола. Солидный ангар практически пуст, но установка, находящаяся в центре, заставляет крепко потрясти головой и проверить, не посетили ли меня глюки. Нахождение здесь портала МпЭса выглядит полнейшей нелепицей. Но довольно значительные отличия от земных аналогов заставляют думать о нахождении высокоразвитой цивилизации совсем неподалёку.

В шатре никого, портал унёс женщин в неизвестность. Прихватив с горя огромный рюкзак НЗ, растворяюсь в утреннем тумане. Надо видеть радость пса, через минуту после возвращения вылизавшего меня до блеска. Кое-как успокаиваю не на шутку развеселившегося Шарика. Завтрак по-походному питателен и скор. Пора домой, и, хотя вопросов по-прежнему больше, чем ответов, необходимость детальной проработки ситуации важнее остального. Обследование МпЭса сегодня гарантирует, пожалуй, только боевое столкновение с противником, и, учитывая его численное превосходство, бежать придётся быстро и далеко. Думается, уйдут они скоро, не их земли. Тогда вернусь и тщательным образом осмотрю лагерь. Уходим, нюхать запах потных тел и свежего перегара радости мало для меня, не говоря о звере с развитым обонянием.

Глава 8

Пару дней, не торопясь, добираемся до дома. Родная хижина встречает тишиной и прохладой. С огромным удовольствием растягиваюсь на мягкой, пахнущей сушёными травами лежанке. На гладких, обмазанных глиной стенах скалятся черепа странных зубастых существ. Ничего подобного здесь не встречается, скорее, вымершие виды, но определённый уют и, если хотите, атмосферу охотничьего домика они создают. Приладив внутрь нескольких черепов лампадки, получил жуткие, но очень эффектные светильники. Повертевшись немного на кровати, засыпаю под дрожащий свет трещащих в масле фитилей. Будит монотонный шум редкого в этих местах гостя, затяжного дождя. Обожаю это состояние между сказкой снов и жёсткой сутью реальности. Мозг ещё во власти ночи, но никакие кошмары, её спутники, уже не страшны в лёгком свете утренних сумерек.

Глотнув воды, растапливаю печурку. Сухие поленья весело трещат, гоня прочь утреннюю сырость. Сверкающий хромом чайник быстро закипает. Готовлю заварку, когда в дом врывается промокший до нитки и вечно голодный пёс. Специально для таких случаев вырезанная дубинка быстро успокаивает не в меру резвого Шарика. Оценив ситуацию, он, чинно отрянувшись у дверей, пристраивается на тёплом полу, не отрываясь, глядя на горящие дрова. Даже запах открытой тушёнки не может отвлечь его от созерцания пляшущих языков огня. Вываливаю мясо в чашку и ставлю под нос впавшему в транс зверю.

Пока льёт не переставая дождик, решаю обследовать мешок с конфискованным НЗ. Каких только чудес не прячут под невзрачной холстиной рюкзака! Вываливаю неожиданное богатство на кровать и сортирую мешочки, коробочки по кучкам. Спрятанная под полированный металл шкатулки аптечка отправляется в самый дальний резерв. Приём непроверенных микстур может резко сократить продолжительность жизни. Ножи, рыболовные принадлежности не слишком отличаются от земных аналогов. Два странных предмета, похожих на древние пистолеты, упакованные в блестящие металлические коробки, с предельной осторожностью ставлю на стол. С этим разбираться необходимо не спеша и в другом месте.

Консервы, ёмкости с водой и вином, сухой спирт в больших таблетках и, о чудо! – сигареты в длинных серебристых пачках. На красной полосе внизу до боли знакомый лейбл «Мальборо». Опять непонятные вещи, но по такому случаю оставляю лишние вопросы на потом. Сейчас тоненькая целлофановая ленточка, легко скользя под рукой, открывает доступ к туго набитой изящной коробочке. Серебристая фольга сорвана, видны отливающие золотом фильтры. Пачка мнётся, когда пальцы в нетерпении вырывают из гнезда сигарету. Зажигалка высекает голубой огонёк – на удивление долго хранит газ китайская поделка, приобретённая ещё на Земле. Никуда не спеша, наслаждаюсь ароматным мягким табаком. Дождь постепенно стихает, и появляется идея слазить в погибший портал для более тщательного знакомства с обитателями.

Свежий ветерок быстро разгоняет тучи. Утопая по щиколотку в мокрой траве, бреду к знакомому дубу. Спустившись вниз, на ощупь нахожу дверь. Ломаю три светящихся палочки и, осветив небольшое помещение, осматриваюсь. Пульт управления давно мёртв. Полированная сталь покрыта толстым слоем пыли, системные блоки больше напоминают пропылённые чемоданы на антресолях. Пытаюсь приспособить в качестве источника тока ещё живые после путешествия батареи. Мигающий шар монитора своей голубизной сигнализирует о полном отсутствии информации. Дальнейшие попытки ни к чему не приводят, станция полностью уничтожена.

Покидая портал, решаю через пару дней идти к лагерю. МпЭс в шатре поразительно напоминает земной. Нужно попробовать влезть в чужой компьютер и попытаться разобраться

в нём. Клавиатура с английским алфавитом, цифирки арабские да и их расположение знакомо с детства. Если и потроха машин идентичны, то есть неплохие шансы поработать с информацией.

Незаметно оказываюсь в водовороте хозяйственных забот. На жаре, обливаясь потом, окучиваю картошку, пропалываю, сколь возможно, зерновые. Уборка в доме, проверка схронов – тоже необходимое мероприятие. Наношу пару штрихов и на картину маскировки. Поход на рыбалку запоминается надолго. Рыбы, словно соскучившись, валом лезут на крючок. Если бы не пёс с безразмерным пузом, улов до избушки не дотащить.

За хозяйственными бесконечными хлопотами незаметно проходят дни. Завтра выступаю. По утренней прохладе до привала далеко уйду. Пробую на вкус трофейные консервы – надо сказать, выше всяких похвал. Изумительное мясо в белом соусе прекрасно идёт под отварную картошечку, а экзотические фрукты очень разнообразят десерт. Укладываю несколько банок в боевой вещмешок, принимая на вооружение.

Снова за плечами рюкзак, автомат, пояс оттягивают гранаты и кинжал. Шарик, вечно путающийся под ногами, знакомая дорога – конец короткой передышке. Идём спокойно, но готовы ко всему. Необходимость прятаться под каждым кустом и ползать на пузе при малейшей опасности временно отпадает, но осторожность в запас не отправляем. Стайка птиц пролетает над головами, небольшой табун быков спешит по делам. Не до них сейчас, не до них, на обратном пути поохочусь. Солнце давно переваливает зенит. В наступающих сумерках наконец проступают белые купола лагеря...

Человек – существо любопытное, жадное до приключений, адреналин в крови необходим ему частенько больше воздуха. Но сейчас не до приключений – в зародыше гашу порыв немедленно отправиться к шатрам. Начинать разведку усталым не решаюсь, нужен отдых.

Глава 9

Лагерь пуст, как вчерашний день. Развожу костерок и славно ужинаю ароматной кашей с мясом. Благо, соли много, а с ней и солома корм. Чай заваривается быстро, разнося запах детства. Шарик тщательно обследует окрестности, а заодно и перекусывает. Курю, привычка возвращается быстро, и снова с ужасом думаю о дне, когда закончится последняя пачка. Почему-то всегда дым сигарет навеивает думки. О детях, в глазах которых остался пропащим бичом, о жене, которой справиться с ними очень сложно. Им бы образование, но это огромные деньги, которых взять негде. Эгоистично думал, что, уйдя из их жизни, сделал доброе дело. Дурак! На деле оставил пацанов без мужской руки, без отца, на которого всегда можно положиться, и этим резко сузил жизненный выбор ребят. Их не ждут университеты, а с самого начала тяжёлая и нудная работа, буквально за гроши. Пройдёт немало лет, когда за неё станут платить по-человечески, поэтому очень просто уйти с трудовой дороги на более лёгкую, чей конец на зоне.

Прохладный язык пса возвращает к реальности, жутко трещит голова, ночные тревоги не отпускают. Приходится нырнуть в аптечку и чуть не подавиться отвратительной на вкус пилюлей. Надо отдать должное лекарству, отпускает быстро. Боясь опять вернуть боль, разминаюсь очень осторожно, постепенно приводя себя в боевое состояние. Глотаю чуть тёплый вчерашний чай. Нетерпение гонит к серебристым куполам. Обследование начинаю с тех, где ещё не был. Сложные кодовые устройства наглухо блокируют двери. Приходится ломать изящные клавиатуры замков и, напрямую соединив провода, проникать внутрь помещений. Сколько же добра хранится под такой скверной охраной!

Один бокс под завязку набит аппаратурой и служит, как я думаю, пунктом управления полётами; все мониторы погашены, но яркие оранжевые огоньки свидетельствует о работоспособности. Второй купол хранит под сверкающим металлом сухопутную технику. Пара похожих на джипы автомобилей соседствует с бронемашинной на гусеницах. У неё вращающаяся башенка и мощный крупнокалиберный пулемёт. Всё вроде земное, но нет – не чувствуется в формах ни чванства американцев, ни продуманности и уверенности немцев, ни свободы французских дизайнеров, ни красоты и бесшабашности наших. Не удержавшись, лезу под броню.

Элегантный салон, выдержанный в светло-голубых тонах, приспособлен, судя по огромному количеству сухих пайков, для длительных боевых действий. Управление до смешного просто: дисплей, ряд кнопок, джойстик. Жму зелёную, и мягко урчит мощный мотор, машина послушно двигается вперёд и назад. Маневренность выше всяких похвал. Пулемёт в башне, к сожалению, не имеет клейма производителя, зато лента патронов в патроннике. Управлять огнём можно и с места водителя, достаточно указать пальцем на экране цель, подтвердить команду, и я очень удивлюсь, если придётся повторять операцию. Монитор показывает наличие ракетного оружия на борту. Пытаюсь активировать его, и после недолгого шлёпанья по клавишам комп выводит ракеты на позиции пуска.

Похоже, техника освоена! Как ребёнок, чуть не плача, оставляю понравившуюся машину. Только главное на сегодня – это работа с порталом. Необходимо понять, чьи заморочки вдруг свалились на мою голову? И почему сказочные уродцы смело бродят по земле, что по праву первопроходца я назвал «Русь» и приладил на высоком утёсе крохотный российский триколор. Вспоминается песня из босоногого детства о том, что «где находишься, тут и поле Куликово». Поле твоих славных дел.

В главном шатре, предварительно осмотрев все закутки, располагаюсь в уютном кресле у клавиатуры и пару раз жму на пробел. Неожиданно вспыхивает сотнями лазерных иголок голографический дисплей. В образовавшемся меню выбираю английский; на удивление, многие слова имеют земное значение, хотя, впрочем, другие совсем непонятны. Вызванная справка даёт координаты некой станции, то есть ничего не значащий ряд цифр. Пытаюсь пробиться с

другого бока, есть ли связь с другими? Связь есть, но я не спешу, опасаясь засветиться. Делаю попытку проникнуть в местную электронную паутину, должна же быть общая сеть типа нашего Интернета при такой технологии. Выход получаю довольно быстро – в путанице разных сайтов без труда узнаю информацию о параметрах неизвестных планетных систем, но пока, несмотря на определённый интерес, эти данные не так важны. Закуриваю, голова полна множеством идей, и совершенно неожиданно вижу, что ладонь лежит на незамеченном ранее квадрате красного стекла, а тонюсенький лазерный луч заканчивает сканирование. Мигает сигнал тревоги, и на дисплее появляется надпись «Who is it?».

Снаружи воеет пёс и слышны подозрительные звуки. Покидаю шатёр со скоростью взбесившегося гепарда. Так и есть – меня вычислили: повисшая над головой тарелка, едва я показался, начинает стрелять в мою сторону. Заряды лопаются со страшным треском, выжигая всё до шлака в радиусе полутора метров.

Зигзагами, на полусогнутых, рвусь к ангару с техникой. Шарик исчезает, считая путание под ногами в такой момент занятием глупым. Привычно лезу под толстую сталь броневика. Запускаю мотор и, врубив форсаж, вылетаю из шатра отнюдь не через ворота. Манипуляторы выводят ракеты на старт. Всё тонет в огне, на ангар сбрасывают мощную бомбу. Зачищают? Неприлично так бояться человека. Мощная машина, круша препятствия, выскакивает из опасной зоны. Крестик прицела прочно лежит на значке НЛЮ, комп уверенно ведёт цель. Залп из всего бортового ракетного арсенала. Тарелка неуклюже пытается сманеврировать, но, явно не ожидая отпора, не успевает. Небо расцветчивают бутоны разрывов, огромный диск, качаясь как осенний лист, падает, выливая целые потоки пламени на израненную землю.

От жуткого удара в корму из глаз летят искры. Пару мгновений ничего не соображаю. Сильный дым в салоне заставляет искать пути спасения; похоже, и броневику перепадает. Работающий дисплей показывает ещё цель над головой. Машина вот-вот рванёт, но русские не попрощавшись не уходят, поэтому жму ещё раз кнопку «Пуск» и только потом покидаю технику.

Глава 10

Бегу к лесу, оставляя за спиной море огня и жуткий грохот падения второй тарелки. Во разведаль! Шарик находит меня, запутавшегося в колючей траве, без сил. Опираясь на крепкий загрювок, поднимаюсь. Первые шаги даются с огромным трудом, но постепенно боль и слабость отпускают. Идти решаю к резервному убежищу; оно в стороне от основного, и отсидеться там несколько проще. Наш неторопливый отход подгоняет мерный топот десятков ног. Господи, неужели погоня? Впереди небольшая, но глубокая речка с заранее разведанным бродом. Полсотни метров водного пространство пролетаю как птица; пёс, махая ушами, аки крылами, не отстаёт. Небольшой холм привлекает удобной ямкой, чем не укрытие? Голова ещё просчитывает ситуацию, а руки привычно раскладывают магазины, гранаты.

Из зарослей кустов на берегу вываливает толпа гоблинов. Вся шайка, рыл в пятьдесят, дружно вереща и размахивая копьями, лезет в воду. «Помойтесь напоследок!» – хриплю сквозь зубы, давая спусковой крючок. Автомат выдаёт длинную очередь, и пятеро бойцов падают, окрашивая кровью чистую речную воду. Это не останавливает остальных придурков, они словно ищут смерти и, не умея плавать, лезут на глубину. Проходит немного времени, и войско прекращает существование. Надо сказать, и «калашников» вносит свою лепту, но в основном ребята закупались до смерти.

Перезаряжаю оружие и спускаюсь к воде. Прохладная влага освежает слегка обожжённое лицо, когда в мозгу звенит колокольчик тревоги. Резко смещаюсь в сторону, длинная стрела с радужным оперением расщепляет здоровенный сук буквально в дюйме от головы. Снайпер. Рву чеку и прячусь за густым дымом шашки. Перебежками возвращаюсь в окопчик. Пока добираться, пара стрел царапает ноги. Из сидора достаю тщательно упакованную оптику. Заученным движением превращаю автомат в мощную снайперскую винтовку. Приникаю к окуляру, и лишь пробковый шлем спасает от стрелы. Острый стальной наконечник, пробив каску, серьёзно испарывает кожу. Кровь осязательной струйкой течёт за шиворот.

Просыпаются боевой азарт и благодарность судьбе за серьёзного противника. Он где-то рядом, но, будь хоть Робин Гудом, дальше сотни метров прицельно стрелу не метнёшь. Оптика приближает густые заросли кустов и травы, но противника не вижу. Свист над ухом – и стрела дрожит, уткнувшись в дёрн. Но в этот раз противник чуть поспешил. Я заметил, как один кустик странно дрогнул. Так и есть! Гадский гoblin усердно натягивает тетиву. Дуэль, конечно, не совсем равна; впрочем, выбор оружия за мной. В гости никого не звал, поэтому и угрызений совести не испытываю. Палец жмёт курок. Мозги с крошечной костью и кровь загаживают большой участок речного пляжа. Что ж, победа за мной, но, голову даю на отсечение, будь у врага ружьё, расклад мог быть и другим.

Ситуация становится непредсказуемой; если ранее парней не считал за противника, то теперь вынужден. Враг серьёзный, и некоторое моральное основание для моего уничтожения у него имеется. Да, я покусился на их святыни, но и они не ангелы. Вторглись на мои земли – получите отпор, как положено. Шарик снова нервничает: Боже, ещё не всё?

– Кстати, зверь, ты снайпера просрал! Ещё немного, и бегал бы сейчас вокруг холодного трупа!

Пёс виновато вертит хвостом, из огромных серых глазищ вот-вот польются горячие слёзы. Уши зверя меж тем живут собственной жизнью, не выпуская ситуацию из-под контроля. Оставляю удобный окопчик и пытаюсь затеряться в лесу. Ухожу по ручью, сбрасывая со следа врагов. Холодная вода освежает не только ноги. Становится ясна невозможность длительного ведения боевых действий. Даже на выстрел лезть не будут, загоняют до смерти и сонного прирежут. Необходимо придумать нечто нестандартное.

Знакомый с детства постулат о лучшем средстве защиты – нападении – приходит в голову и уютно там устраивается. Шарообразные кусты, растущие вдоль ручья, надёжно скрывают наши перемещения. Часа через два добираемся до замаскированного в кроне гигантского дуба – тайника. Выгребаю все запасы, ситор значительно тяжелеет, но некоторое время можно не думать о патронах. Быстро надоедает сухомятка, а разводить костёр, когда небольшая группа духов плотно висит на хвосте, глупо. Вечереет, но гоблины словно не знают усталости. Ближе не подходят и не отстают.

Заманиваю в ловушку, ибо, снявши голову, по волосам не плачут. Прячусь в небольшой пещере, пустив пса вперёд. Скоро орлики дружною гурьбой топают по тропинке за ним. Их восемь; хватает нескольких коротких очередей, и преследователи теряют охотничий азарт.

Пока павших не сменили следующие, резко беру к дому. Необходимо вытащить весь запас патронов и гранат. Из лука стрелять не умею да и не Конан-Варвар ножом махать. Считаю, у каждой эпохи своё оружие, а имеющимся у меня владею профессионально.

Перед избушкой напарываюсь на засаду: пёс отвлёкся на преследователей и не реагирует на опасность. В результате дело доходит до рукопашной. Шарик рвёт глотку одному и блокирует другого. На меня сзади валится огромный дух, но, неожиданно для себя, вместо того чтобы втоптать в зеленоватую пыль человека, делает крутое сальто, сильно царапаясь о нож. Боевое самбо не только со стороны смотрится чрезвычайно эффектно. Последнего противника, не мудрствуя лукаво, срезаю очередью. Жестом отправляю дружка проверить окрестности, сам подхожу к раненому. Выглядит он паршиво: кишки лежат на земле, издавая ужасную вонь. Кошмарные синие губы жадно хватают воздух. Не жилец. Присаживаюсь и, прикуривая сигарету, задаю простой вопрос: «Who is it?», а в ответ слышу, на последнем выдохе:

– Гоблин! – название народца произносится с такой гордостью, какой не жду от полулюдей. Перестаю вообще что-либо понимать...

Грузимся с собакой по полной программе. Шарику навешиваю палатку, одеяла и мешок сушёного мяса. Сам беру два цинка патронов и сухой паёк из неприкосновенного запаса. Выгребаю метательные ножи, гранаты. Грузюсь словно верблюд на гербе славного города Челябинска. Но герб-то рисованный, ему не бегать по лесам. Печально бросаю взгляд на ухоженные родные места.

Ухожу, оставляя в тайниках самую малость. Экономным шагом спецназовца, донельзя разозлённый, отправляюсь в дальнюю дорогу. Сегодняшний маршрут в противоположную сторону от нашего туристического путешествия. Пора в гости, посмотреть, как живут ставшие почти родными гоблины. Гляну на их женщин, ребятню – может, там и отыщу ниточку к их богине. Если честно, запала дама в душу, да и поговорить не помешает, иначе непонятого сражения с тенями не выиграть. Враг хоть и известен, но непонятен. Не могу же я представлять опасность для целого народа? Очень много загадок последнее время валится на хрупкие плечи.

Дни и ночи мешаются как в калейдоскопе: засады на нас, мы в засадах, рукопашные схватки с каждым разом всё упорнее и кровавей. Нападения учащаются; даже в одиночку эти чертогонны кидаются на автомат, устилая трупами девственные леса. Видимо, противник просчитал наш маршрут и мириться с присутствием незваных гостей не желает; правда, я наносу лишь ответный визит, так как по мою душу приходили не спрашивая.

Враг нервничает, взрослое мужское население прочёсывает леса. Захожу в тыл, отсюда меня не ждут. Кругом пусто, никакого движения на мощёных цветным камнем улицах. При первом же знакомстве с деревеньками неприятно поражаюсь. Красивые и разнообразные по форме и габаритам коттеджи с огромными окнами, небольшие приусадебные участки, на которых вот-вот зацветут явно не здешние цветы – всё это сильно диссонирует с внешним видом гоблинов. Невысокие каменные ограды раскрашены в яркие и удивительно чистые цвета. Ни

секунды не сомневаюсь в инопланетном происхождении как домов, так и всего остального. Значит, идёт колонизация планеты.

Экспансия, вполне оправданная года три назад, когда кушал водочку на Земле, сегодня совершенно неприемлема. На планете есть разумная жизнь, пусть лишь в моём неважно выбранном лице. Биться буду до последней капли крови. Пусть это звучит несколько высокопарно.

Мимо, ломая кусты, несётся мелкий гоблин. Должно, по ягоды ходил, все губы чёрные от сока местной вишни. Торможу его за шкварник; перепуганные глазёнки лезут из орбит, но он отчаянно машет руками-ногами, пытаясь достать вражину. Поглазев несколько секунд на отважного бойца, задаю обычный «русский» вопрос: «Who is it?». Малец прекращает болтать ногами и, положив руку на сердце, отвечает: «Гоблин». Усаживаю грамотного паренька под дерево и учиняю импровизированный допрос. Английский знает как родной, говорит бегло, слегка шепелявя; думаю, это дефект челюстей и кривых зубов. Мой же словарный запас ограничивается прочитанным в армии разговорником. Худо-бедно в осадке следующее.

Новосёлы прибыли на планету недавно, вошли в некие врата, а вышли здесь. Деревни были построены. Каждому племени выделены угодья и скот. Пацан с придыханием твердит о Великой Богине Мэри, которая, несомненно, оторвёт мне яйца, если сейчас же не отпущу верного раба. Почесав башку грязной пятернёй, даю «верному рабу» пинка под тощий зад, а заодно делаю очень испуганное лицо, играя богине на авторитет.

Мелочь сдувает точно ветром. Сейчас добежит, раскричится, и бродяги организуют преследование. Понимаю, в лесу быстро догонят, и придётся принимать ещё один бой без всякого толка. Поэтому иду к деревне и прячусь за невысоким заборчиком у самой опушки. Приличная толпа стариков и пацанов, способных носить оружие, несётся в лес во главе с маленьким знакомым.

Выжидаю минут пятнадцать и смело иду в селение, к самому большому зданию в центре. Выглядит деревня прекрасно: широкие мощённые разноцветной брусчаткой улицы чисты. Ухоженные палисадники домиков зовут посидеть в тенёчке. «Сельсовет» оказывается массивным зданием, чьи высокие стрельчатые окна с мозаичным орнаментом гармонично дополняют шпили башенок по углам. Светлый полированный гранит придаёт некую торжественность всему ансамблю. Дверь, ведущая внутрь, деревянная и очень массивная. Такая больше под стать средневековому замку, нежели канцелярии мирной деревеньки. Тяну за тяжёлое кольцо, но она к удивлению очень легко распахивается.

В просторном светлом помещении ни души. Большой холл, облицованный голубой плиткой с небольшим возвышением в правом углу, видимо, служит для сходов жителей в ненастную погоду и, наверно, частично выполняет некие религиозные функции. Обследую ряд комнат по периметру, но ни одной бумажки или папируса не обнаруживаю. По всей вероятности, канцелярия ещё не сильно занимает неокрепшие умы. Слева от входа неприметная дверка, которую для очистки совести пинаю ногой; надо же так, именно она-то и заперта.

Используя в качестве ключа приклад, вваливаюсь в крохотную комнату и лицом к лицу сталкиваюсь с огромными голубыми глазами прекраснейшей женщины. Правда, роскошные белые волосы, мягкий овал лица, пухлые губы, к моему огромному сожалению, оказываются лишь голограммой. Ситуация настолько неординарна, что некоторое время нахожусь в ступоре, забыв всё на свете.

Изображение оживает – изумление на лице дамы значительно сильнее моего. Ладонями приглаживаю космы, пытаясь хоть чуть привести себя в порядок. Куда там! Небритая три дня физиономия и бледный вид отнюдь не способствуют мужской привлекательности. Ну уж – теперь что есть.

В напряжённом молчании проходит минута, и вновь знакомый до изжоги вопрос: «Who is it?» Отвечаю предельно честно: Андрей Егорович Кузнецов, сорок лет, разведён, русский, гражданин России и Хозяин планеты!

– Ты человек? – мягкий грудной голос доносится из динамиков.

– Да, просто человек, – представляюсь излишне скромно. – Сударыня, конечно, лестно, что удостоиваете беседы, но ваши племена начинают заселение планеты, а меня как официальное лицо никто в известность не поставил. Поэтому во избежание дальнейших осложнений прошу собрать гоблинов и подыскать им более подходящее место жительства. А то от их морд вашего покорного слугу мутит.

– Как смеешь ты что-то требовать?! – прекрасное лицо искажает гримаса высокомерия. – Наказание будет ужасным!

Пару минут выслушиваю агрессивный монолог в таком же роде. Совершенно случайно удаётся вставить вопрос: «Мадам, где изучали русский?», что приводит её в глубокое замешательство, переходящее в обычную женскую истерику. Мне приказано немедленно выйти и сдать верным воинам богини.

– Давайте встретимся через два дня, – вежливо предлагаю другой вариант. – У сожжённого лагеря. В противном случае придётся начать отстрел вторгшихся на мою территорию супостатов.

Каких только умных слов не выслушиваю в свой адрес; говорить на русском сленге эту даму, видимо, учили с детства. Таких забористых словечек даже и не слышал, а университетов не кончал, и мало кто мог соревноваться в ненормативной лексике с простым парнем «Взрыв-прома». Меж тем слова переходят в визг и окончательно руют моё терпение.

– Молчать! – завожусь и я. – Место и время встречи вам сообщено. Соблаговолите прибыть и очно пообщаться. Увидимся!

По селению иду с высоко поднятой головой, уверенно и гордо. Бабы и детишки, завидев такую страшилку, с визгом прячутся в хибарах. Тем более за моей спиной горящий «сельсовет». Дым, жутко чёрный, столбом поднимается в небо. Ускоряю темп, а в местах, где никто не видит, даже срываюсь на бег. Скоро народная дружинка вернётся.

За околицей ныряю в кусты, шаг лёгкий. Местным следопытам будет трудно. По большой дуге обхожу селение примерно до места недавней встречи с пацанёнком. Издалека слышу яростный вой и топот. Забыв о маскировке, в спешке теряя штаны, несётся народное ополчение. Старики, мокрые, с трудом дышащие, да рвущиеся в герои раскрасневшиеся подростки спешат на помощь. Видать, записаны не только в народной дружине, но и в добровольной пожарной команде – ишь, торопятся.

За толпой маячит вконец умаявшийся Шарик. Сообразительная псина: он долго показывал гоблинам местные достопримечательности, дав возможность мне спокойно разобраться в ситуации. Увидев меня живым, от радости сбивает с ног, – счастлив, дурачина. Я тоже бесконечно рад видеть его невредимым. Столб дыма тем временем исчезает – быстро же тушат в здешних местах. Хотя, скорее всего, материал ратуши не горюч, хламом обзавестись не успели, а пара пластиковых столов больше дымит, чем даёт пламя.

В лесу тем временем движение, как на Бродвее в час пик. Духи толпами шляются туда-сюда. Ищут нас довольно упорно, хотя, благодаря псу, успешно минуем все засады и ловушки. Пока играли в кошки-мышки, часто задавал себе вопрос: кто же эту ораву кормить будет, если я, к примеру, с полгода ещё побегаю?

Лагерь возникает из-за небольшой горки. Спокойные воды круглого озера отражают лёгкие белоснежные облака. Пейзаж по-прежнему красив, хотя чёрные проплешины от адского огня резко контрастируют с ровным сиреневым цветом полей.

До знакомого наблюдательного пункта добираемся без происшествий. В этих местах за последнее время доводится бывать чаще, чем дома. До встречи ещё есть время, и провожу его с пользой – заваливаюсь спать, оставив на хозяйстве Шарика.

Сон уходит с первыми лучами солнца; пёс, сторож хренов, дрыхнет без задних ног. Сладко потягиваюсь, разминая все суставы, они чуть трещат от лёгкой нагрузки, чтобы через

минуту быть готовыми к действию. Взгляд на лагерь шокирует: вся территория забита людьми в ослепительно белых одеждах. Держа строй, они выдвигаются в разных направлениях.

Один отряд, человек в двадцать, движется прямо на меня. Пинком бужу охранника и, прихватив вещи, ухожу влево, к густым зарослям бамбука. Нас пока не замечают. Это, безусловно, не армейские подразделения; тех бы и не увидел – спецназ работает скрытно, а тут вырядились и шагают как на параде, так ведёт себя только полиция. Нет, ребята, не на того нарвались. Я не гоблин, на меня таким образом впечатление не произвести. Меж тем противник рассыпается в цепь, но в лес не входит; рассредоточившись по опушке, ждёт следующих команд. Правее и левее выдвигаются другие подразделения, и вскоре лагерь оцеплен.

За ночь появился новый большой шатёр, из широко распахнутых ворот которого весело катит лёгкая бронетехника, спеша на усиление пехоты. Ох и не нравится вся эта музыка, столько железа на двоих!

Наконец, можно рассмотреть противника. Оптика приближает высоких плечистых ребят с зеркальными стёклами шлемов. Вооружение больше напоминает кадры фантастических мультфильмов. Крепкие руки в белых перчатках уверенно держат нечто напоминающее бластеры, но уж очень внушительных размеров – с такими пушками в руках воевать сложно.

Вскоре манёвры закончены. Повисает шаткая тишина. Своей визави не наблюдаю и мудро решаю ничего не предпринимать. Глаза слезятся, выискивая в небе корабль. Но сегодня пыль в глаза пускать некому, и она, в сопровождении дюжины белокурых красавиц, появляется из шатра бодрой уверенной походкой. Лицо искажено гримасой гнева, глаза мечут молнии.

В голове возникает идея немедленно исчезнуть отсюда. Женщина, не успокоившаяся в течение двух дней да ещё обладающая властью и силой, гораздо опасней ядовитой змеи. Но как джентльмен, пригласивший даму на встречу, просто не могу не появиться. Богиня направляется к не тронутому огнём холмику, недалеко от которого гоблинское воинство жарило быков. Раздаётся чарующий, но раздражённый голос: «Человек, я жду!»

Оставляю Шарика в резерве, беру с собой лишь автомат и магазины. Проявляя чудеса маскировки, минуя оцепление. Сказать, что это трудно – не сказать ничего. В результате всех моих манипуляций через десять минут в ста метрах от неё поднимаюсь в полный рост. Громко и уверенно заявляю: «Мадам, я к вашим услугам!»

Команда на моё уничтожение не заставляет ждать. Секунды, и я в плотном кольце; «калашников» заводит привычную тему, а я, перемещаясь, пытаюсь вырваться. На мою стрельбу начинают отвечать, и сразу становится скучно. Энергетические разряды очень маленькой мощности только слегка оплавливают землю, а уж про точность выстрелов и говорить нечего. Вести более-менее прицельный огонь из местного оружия невозможно – всё равно, что штангой гвозди забивать.

Некоторое время ещё бегаю, но всему приходит конец. Только отступил за обломки купола, как через миг от укрытия не остаётся ничего, кроме медленно остывающей расплава – заработала тяжёлая артиллерия. Нехорошо. Прыгаю кузнечиком из стороны в сторону. На моё счастье прошлые взрывы раскидали по территории обломки, прячась за ними веду бой, в исходе которого теперь нет ни малейших сомнений. Превосходство противника по численности не оставляет шансов на победу.

Пули ещё рвут всё в поле зрения, однако наступает пора подумать о добровольной сдаче в плен. Вот только, потерявшись в непрерывной беготне, замечаю, что до нового шатра рукой подать. Бросаю наугад оставшиеся гранаты и под их прикрытием ныряю в не закрытые после выхода бронетехники ворота. Навстречу несётся кто-то в белом, но автомат ставит жирный крест на патриотизме отдельных личностей.

Вот и кабина МпЭса. Плавно закрывается толстая металлическая дверь, отрезая от шума идущего боя. Вставляю жетон и набираю знакомую комбинацию кода соседней станции. Раз-

ряды плазмы быстро накаляют сталь, но пробить защиту не успевают. Темнеет, и чудовищная сила бросает в ночь.

Глава 11

Впечатление такое, словно корова долго жевала, жевала и выплюнула. Ломота в суставах, шум в голове и искры в глазах. Ощупываю себя – вроде, цел. Автомат ещё дымится. Попытке подняться мешают головокружение и тошнота, периодически подступающая к горлу. Осматриваю кабину: безусловно, перенос совершён, помещение заметно отличается от предыдущего. Прислушиваюсь: тишина, никто не встречает. Значит, можно чуток вздремнуть, когда ещё будет такая возможность? Золотистый пластик стен прохладен; прислоняюсь к нему спиной и мгновенно засыпаю.

Шарик, единственный друг, теряется в глубине сотен световых лет, но во сне мы рядом. В своей избушке: я чищу автомат, а пёс дремлет. Его сон тревожен...

* * *

Несмотря на то, что ещё далеко до максимальных кондиций, Джек мог поставить на место любого зарвавшегося человека или зверя. Он буквально шкурой чувствует мысли противника и способен вести бой, исходя из реальных угроз. Долгое время на это никто не обращал внимания, пока не произошёл странный эпизод.

В первый раз Джек покидает родную планету по неведомым делам Великого Егория. Особой спешки нет, и как средство передвижения выбран комфортабельный звездолёт. В огромной роскошной каюте, куда капитан лично сопроводил гостей, псу неуютно. Он не любит мягких ковров, запах дорогих курений раздражает нюх. Надо сказать, друг понял состояние пса и разрешил расположиться возле двери в крохотном тамбуре.

Посадка на дикой планете. Темно. Закрытые двери несколько не мешают восприятию. Со всех сторон огромного корабля в чуткие уши проникают странные звуки. Джек вслушивается в хаос тихих колебаний, умело отделяя движение живых существ от других звуков. Первое время всё тихо; пёс расслабляется, глаза смыкаются, но в эти мгновения происходит нечто, заставляющее его подняться с ковра и обнажить огромные клыки.

По агрессивной ауре он чувствует крадущегося врага. Скрип открываемой двери тих, вот только вместо человека псу противостоит омерзительная тварь. Огромное двуногое существо с перемазанной слюной мордой бросается внутрь. Вполне очевидно, что цель – человек. Пёс не принимается в расчёт, и совершенно напрасно.

Молниеносный рывок Джека, и нога противника, начавшая бросать тело, неожиданно подгибается. Грохот от падения страшный, но атакующий невероятно силён, и лишь телепатические способности помогают псу выжить. За несколько мгновений, пока в тамбур не ворвался хозяин, пёс успешно ушёл от нескольких атак; мало того, он ухитрился острыми как ножи клыками пробить лапу нападавшему, и тот, почуввав неудачу, пытается спастись бегством. Великий Егорий в корне пресекает эту попытку. Шум и топот, подтягивается группа захвата корабля. Ей остаётся только связать зверя. Правда, псу из чисто боевого азарта удаётся ещё пару раз рвануть врага, но друг очень просит никогда не повторять такого.

Схватка оказалась совершенно неожиданной не только для Джека, но и Егория ставит в тупик. Как экипаж мог проморгать проникновения на борт наиболее агрессивной особи местной фауны? В простую халатность поверить очень сложно. Но Великий решил обойтись без наказания виновных, ведь небрежность позволила проверить готовность пса по-настоящему.

После боя отношение к псу меняется. Он из забавной игрушки становится реальным партнёром. Нет, конечно, его интеллект далёк от человеческого, но преданность хозяину и с каждым днём нарастающая мощь заставляют Егория уважать Джека почти как равного.

Великие, несмотря на высокомерие, граничащее часто со спесью, страшно одиноки. Поэтому попытка создать существо, готовое сложить голову за человека, вызвало неподдельный интерес. Эксперимент дал высокие и устойчивые результаты.

Для создания такого существа решено было использовать собаку. Привитые гены человека, чьим другом должен был стать пёс, делали его бесконечно преданным хозяину, а это вкупе с силой и ловкостью зверя придавало такому существу особенную ценность. Эксперимент дал ещё и дополнительный эффект – высокий интеллект и телепатические способности созданной особи.

Зверь рос. В завораживающей круговерти сна кристаллами немыслимой чистоты становятся дни, когда ничто не мешало дружбе, когда потребность быть вместе с хозяином становилась воистину навязчивой. Пёс научился казаться мягким и пушистым, прятался за обманчивую внешность, но никогда не терял бдительности. Многие попадались на эту удочку, считая его средством, помогающим Великому справиться со стрессами, успокоить нервы.

Сегодня необычный день. Большое собрание. Присутствуют все Первые. На зелёной лужайке перед дворцом огромные псы, словно дворняжки, бегают, суетятся, играют друг с другом. Такие встречи редки, псы практически не видят друг друга в обычной жизни. Телепатический эфир забит красочными картинками; сложно определить, кто к кому обращается. Псы делятся своими воспоминаниями. Эти звери могут входить в телепатический контакт со своими хозяевами на любом расстоянии, а с сородичами такое общение возможно лишь в пределах видимости. Уставшие от суеты, они лежат рядом, уткнувшись мордами в зелень травы.

Со стороны кажется, что собак сморил сон. Меж тем в их мозгах течёт обмен информацией, и теперь все в курсе жизни своих сородичей. Они многого не понимают в человеческой психике, но безошибочно отличают добро от зла, ласку от ненависти, и этот эмоциональный фон позволяет им свободно ориентироваться в любых ситуациях.

Картина, где пёс разрывает горло своему хозяину, появившаяся одновременно в головах всех зверей, заставляет их вскочить на ноги. Её транслирует друг Великого Павла – Сэм, при этом все собаки видели его хозяина живым и здоровым. Значит, увиденное – его желание, такое же, как желание утолить голод, но настолько сильное, что псы понимают: справиться с ним непросто. Все в замешательстве, кто-то даже скулил по-щенячьи.

Псам не дано знать, что, создавая их, люди, внедряли гены своих хозяев им в ДНК, тем самым закладывая в сознание собак преданность, не предусматривая никаких вариантов трансформации дружбы. Если бы разум псов был сродни человеческому, то всё происшедшее говорило бы о том, что Сэм сошёл с ума. Но разум животного прост, а значит, реакция на странное поведение сородича может быть только одна – бешеного уничтожить. Сэм, парализованный мощной телепатической атакой, лежит в центре круга и ждёт приговора. Но стая не нападает, сложности восприятия абстрактных образов не позволяют собакам сделать последний шаг и накинуться на него. Возникает пауза, которая оканчивается появлением Великих.

Совещание закончилось. Видимо, напряжённая работа так выматывает хозяев, что они едва добираются до уютных кабин челноков. В пустеющем эфире звучит последнее «Пока!».

Егорий явно не в духе. Все попытки Джек пробиться к его сознанию безуспешны. Такое впечатление, что мозг укрыт непроницаемым материалом. В голове пса мысли бегут очень быстро; это, конечно, не мысли человека, а своеобразный визуальный ряд – от прошлого к будущему, а жизнь лишь в пустоте между яркими кадрами. Воспоминания о следующих нескольких днях неприятны, в мозгу постоянно крутится картинка – Сэм убивает своего друга. От бессилия разобраться в ситуации Джек впадает в жуткую депрессию. Он не пьёт и не ест, не обращает ни на что внимания. Егорий, который всерьёз обеспокоен здоровьем друга, вызывает врача. Лекарства постепенно выгоняют ужасные картинки из головы, абстракт-

ное мышление мешает реальности и отодвинуто за ненадобностью в дальний угол. Появляется аппетит, а с ним и желание жить полноценной жизнью.

* * *

Сон успокоил нервы и восстановил силы. Никто не преследует, не зря оставлена на пульте граната без чеки. Думаю, ту кабину придётся списать как не подлежащую восстановлению. Проверка снаряжения и лёгкая печаль от итогов. Автомат, кинжал да фляга воды – весь багаж. Правда, ещё на поясе болтаются две гранаты.

Выхожу из кабинки портала. Огромный холл залит нежным голубым светом и ужасающе пуст. Воздух неприятен, хотя и пригоден для дыхания. Шаги разносит эхо в тишине помещения, нигде нет ни пыли, ни мусора. Полированный гранит пола блестит чистотой, большие, светлого мрамора колонны поддерживают высокий стрельчатый потолок. Мозаичные стёкла больших окон наглухо закрыты. Ни надписей, ни указателей – очень странный порт.

На всякий случай, маскируясь за колоннами, спешу к выходу. Резные двери распахиваются автоматически, и в лицо кувалдой бьёт сухой горячий воздух. Вокруг, насколько хватает глаз, искрится всеми цветами радуги песок большой пустыни. Голубое светило так накалило почву, что плевков испаряется, не долетев до земли. В такой местности северянину становится скучно. В адском пекле размещение нового портала, а он и в самом деле с иголки, можно объяснить прицелом на далёкое будущее. Отсюда велика вероятность нахождения на планете местных станций МпЭса или наличие поблизости более приличных планет. Возвращаюсь и долго мучаю компьютер. Добро, техника знакома, и удаётся втолковать машине, что я правильный гоблин и выполняю сугубо секретное поручение богини Мэри. Требую перенести в места, где велика вероятность встречи с богами. Слабосильный процессор просит немного подождать.

Пока суть да дело, решаю пошарить в тутошнем НЗ. Набор довольно стандартен, такие же пушки, так мной и не испытанные. Ломаю пластик упаковки и вгоняю батарею в рукоять оружия; на крохотной панельке загорается зелёный огонёк. Жажнуть решаю на свежем воздухе и палю в открывшуюся дверь. На верхушке бархана образуется малиновое полуметровое пятно расплавленного стекла. Мощь оружия невольно завораживает; с уважением прячу в вещмешок, туда же летят добрая половина НЗ и все сигареты. Часть воды и немного консервов оставляю: не дай бог, закинет судьба хорошего человека, а тут и попить нечего.

Наконец компьютер определяется с координатами переброски и приглашает занять место в кабине. Ещё раз проверив экипировку и загнав в автомат новый магазин, шагаю в неизвестность. На этот раз тьмы нет; слегка падает яркость ламп, и роскошь кабины убеждает, что куда-то попал.

Теперь судьба закидывает в крепость. То есть это я поначалу подумал на неё, но, побродив чуть по каменным стенам, понимаю: на цитадель не тянет. Скорее всего, это небольшой и наверняка очень живописный замок. В розоватом утреннем небе белые пушистые облачка, как отара овец, неспешно двигаются по своему, лишь им известному маршруту. Всё прекрасно: удивительное небо, рыцарский замок, свежий воздух, только я сижу как дурак в этой сказке, ни хрена не понимая.

Внутренний двор крепости явно создан талантливым архитектором: светлые, часто даже белые тона с блеском золота преобладают в цветовой гамме ансамбля. Сразу понимаешь: тут живёт правильный бог, которому кроме добра и делать-то больше нечего. Но внешнему лоску давно не придаю решающего значения: громче всех кричит «держи вора» сам жулик. Посмотрим, кто ждёт внутри.

По удобной мраморной лестнице спускаюсь в манящий тенью и прохладой двор. Осматриваюсь. Множество дверей, но они заперты и одинаковы в своей безликости. Похоже, замок пуст. Поэтому решаюсь прорваться во внутренние покои, вот только какую выбрать дверь? В

полной тишине двигаюсь к одной из башенок, в стороне от центра. Изящная, около десяти метров в диаметре, спилю царапает небо; конкретней за высоту ничего не скажу, мерить точно не полезу. Никого вокруг. Я даже покричал для приличия, но в ответ тишина.

Металлическая дверь словно впаянная в камень украшена роскошным вензелем, который знаком. Нечто подобное я различил на шевронах штурмовиков. Створки даже не дрогнули от сильных ударов. Не причисляя себя к светлым богам да и к тёмным тоже, кладу на дверное кольцо универсальную отмычку – РГД-5. Мощный взрыв сотрясает окрестности, летят щепы, куски камня, облако дыма накрывает двор. Приглядевшись, вижу: наша боевая техника работает исправно, дверь огромной силой смята и заброшена внутрь.

В круглом холле ничего интересного, кроме ковра с длинным ворсом, в котором чуть не по колено тонет нога. Лестница вверх; идти без прикрытия очень опасно – башня точно гигантская мышеловка с единственным выходом, но рискую. Шаг за шагом преодолеваю притяжение планеты. От постоянного движения по спирали чуть кружится голова. Не видно ни конца, ни края пути, и только собранная в кулак воля толкает вперёд.

Конец дороги. Мокрый, держась за поручни, упираюсь головой в дверь, тяну за кольцо. Щелчок – и она распаивается, словно ждала целые века. На пороге осматриваюсь; всё, как в приличных заведениях: лёгкие стеклянные столики, мягкие, зовущие присесть кресла, пёстрые диванчики с горками подушек, залитые нежным утренним светом. В дальнем углу, возле золотисто-белой ширмы, большой письменный стол. Мягкое кожаное кресло ещё хранит чей-то отпечаток тела, ровным светом помигивает работающий монитор. Изящная клавиатура мирно пылится рядом. Как путник в пустыне к воде, бросаюсь к машине. Клик, идёт загрузка. На экране текст... Из мешанины непонятных слов и сочетаний в глаза бросается несколько раз набранное – Great Mary...

Глава 12

На другом конце галактики события нарастают, словно снежный ком. Великой Мэри Смит, известной нам богине гоблинов, не удаётся тщательно спланированная операция по задержанию человека. Внешне неотличимый от расы Великих, явно чужой, то есть не принадлежит ни Великим, ни народам, созданным ими, он неконтролируем, смел до безрассудства, хорошо владеет рукопашным боем. Зная о ловушке и видя подготовку встречи, таки пришёл и, самое удивительное для Мэри, смог уйти. Лучшие спецчасти полиции контролировали ситуацию, но сделать ничего не смогли. Уходя, он ещё и уничтожает портал МпЭса, делая невозможным преследование. Есть над чем подумать; ситуация не лезет ни в какие ворота, и гнев всегда кроткой и милой богини воистину страшен. Она испепелила подчинённые ей спецподразделения энергосмерчем, оружием, созданным для исключительных случаев. Предстоящий на Совете Великих разбор инцидента грозит серьёзными проблемами. Верные помощницы-клоны дрожат, забившись в дальних углах ангара.

Многоместный летающий бот несёт Великую к народу, созданному ещё в детстве, страшноватому на вид, но верному и свободолюбивому. Она патронировала его развитие и хотя бы раз в полгода старалась бывать в селениях. Стоит ли говорить о всеобщей любви к ней неприятельного народца. Только они, неся огромные потери, ни на секунду не прерывали поиски врага и даже несколько раз загоняли в ловушку. Но он ловиться упорно не желал и всякий раз с честью выходил из сложных ситуаций. Безусловно, численный перевес и постепенное освоение местности приближали развязку. Поимка становилась просто вопросом времени, но ситуация серьёзно подрывала авторитет Мэри. По мнению гоблинов, у богини есть враг, с которым она не в состоянии справиться – значит, противник сильнее божества, а сила в первобытном мире ценится гораздо больше любви и ласки.

Восстановление авторитета – на сегодня основная задача инспекционных поездок. Вечером Мэри останавливается в одной из деревушек на ночлег. Ратуша становится местом, где можно прийти в себя и успокоиться, в тишине обмозговать, сплести наконец-то все ниточки в один узор. Самые надёжные и проверенные клоны удаляются, оставив на низеньком столике лёгкий ужин и кувшинчики с напитками, которые Мэри очень любит.

Является засвидетельствовать почтение деревенский голова, но богиня просит его удалиться, сообщив об утренней встрече с жителями. Привычным тоном, переводя управление компьютера на голосовой режим, запрашивает новости, слухи, сплетни за последние сутки. Обзор ничего нового не даёт, а слухи и сплетни полностью соответствуют своему определению – при всём желании ни крупницы истины в них не обнаружить. Ничего, что помогло бы Великой определить хотя бы суть противника.

Мэри запрашивает компьютер обо всех видеозаписях, на которых замечен Андрей. Вот он в соседней деревне: высок, длинные светлые волосы собраны в хвост. Большие карие глаза смотрят дерзко и нагло. Он очень гибок и, хотя далеко не молод, быстр как молния. Дактилоскопия и анализ ДНК отрицают принадлежность к Великим.

С одной стороны, очевидно, это долгожданная встреча разумов, с другой – откуда этот разум взялся и почему до сих пор свободен? Голограмма боя – находчивость, непредсказуемая тактика – вызывает восхищение. Изображение крупным планом: анатомические особенности сканирует компьютер. Вывод ошеломляющ, с 99% вероятностью существо – человек из Легенд. Экстренный запрос в исторический центр, перед глазами целая вереница образов и текстов, считавшихся сказочными. Там в самом деле присутствует страна – Россия, названная Кузнецовым родиной.

Смит набирает шифр экстренной связи с Координационным Советом – властным высшим органом. Иначе ноша ответственности просто раздавит.

Мэри в нетерпении мечется по комнате... Если человек из Легенд реален, то первые Великие – побочная ветвь некоего земного человечества, а это совсем не то, чему учили в школах. Сразу возникает некая искусственность в их божественном происхождении, краеугольном камне всего миропорядка. Богине становится жутко за то, что прозвала существо, одно присутствие которого переворачивает основы могучей цивилизации. Есть, правда, небольшой шанс ещё раз попробовать уничтожить неизвестного самостоятельно, но в случае неудачи и выходе ситуации из-под контроля на карьере Смит можно поставить жирный крест. Будь человек здесь, вариант с уничтожением выглядел бы весьма привлекательно, но сейчас, когда он болтается по планетам, это маловероятно.

Машина давно отправила экстренное сообщение, тянутся бесконечно долгие часы ожидания... В голове прокручиваются варианты восстановления авторитета могучей богини, изрядно подмоченного дурацким боем. Винить погибший спецназ, который в спокойном и размеренном мире последнее время выполнял только церемониальную роль, глупо. Первая стычка с более-менее шустрым противником – и полное фиаско.

Вспыхнувший шар монгола (голографического монитора) рисует красивого, сильного мужчину с копной седых волос, благородной осанкой и простоватыми, на первый взгляд, голубыми глазами. Сам Координатор Павел, почти мифическая личность, с огромным любопытством рассматривает простую Великую, имевшую наглость потревожить одного из Первых.

– Мы слушаем Великую Мэри Смит, – рокочет могучий бас.

– Великий Координатор, происходит нечто странное. Ситуация, начавшись с ничтожной стычки, выходит из-под контроля, и только у Совета найдутся необходимые средства, чтобы предохранить мир от падения, – не удерживается от лести Мэри.

На собеседника обрушивается волна необыкновенных новостей, и вальяжно-снисходительное лицо одного из руководителей Великих претерпевает разительные перемены. Краснопуцтовое, после первых минут оно заметно бледнеет, а к концу доклада в глазах Первого ясно виден страх, вероятно, первый за долгую жизнь. Надо отдать должное Павлу, он не теряется, а просто по-отечески журит Мэри, убедительно прося не предпринимать никаких действий до получения подробных инструкций от Совета.

– Великая, необходимо твоё присутствие в столице. Пожалуйста, немедленно перегони все, подчёркиваю, все имеющиеся материалы на существо.

– Координатор, человек уничтожил портал, а на корабле не установлена мобильная МпЭс, это лишь межпланетный бот. Я сомневаюсь в реальной возможности быстро явиться в Рим.

– Я в курсе, девочка, и экстренно высылаю за тобой личный корвет, вероятный срок прибытия три, максимум – четыре дня. И ещё, Великая, как это ни тяжело, все свидетели инцидента должны быть уничтожены. Ни одна крупная информация не может быть передана никому, кроме Совета. Готовь планету к полной зачистке. Прекрасно понимаю ответственность за твоих детей, ты давно и умело ведёшь народ, но сейчас стоит вопрос о всей цивилизации. Уничтожь всех, дочка!

С лёгким хлопком гаснет монитор, оставив вопросы без ответа. Глаза девушки заволкло слезами. Сегодняшний день становится самым эмоциональным в её довольно длинной и успешной жизни. Уничтожить тех, что создавала, не спала ночей, тратила силы и здоровье?! Постепенно рыдания утихают, и Мэри, уронив голову на стол, засыпает, рассыпав по нему серебро длинных волос.

Сон спокоен, без надрывов и кошмаров, и главное действующее лицо – тот человек. Она идёт с ним рука об руку по роскошному солнечному лесу. Они купаются в хрустальных озёрах, загорают под голубым солнцем. Тихое счастье. Не надо уничтожать невинных, а потом нестись через галактику на разбор полётов. Впрочем, даже во сне приказ не может быть не исполнен.

Сверкающее утро будит лучиками солнца, пляшущими по лицу. От лёгкой разминки сладко потрескивают суставы, сердце быстро гонит кровь по жилам, возвращая отдохнувшему телу ощущение силы. Поднявшись из-за стола, Смит вызывает начальника аппарата и отдаёт ряд распоряжений и приказов. Первым делом объявлен Большой сбор на Великом поле; на нём, в отличие от обычного, присутствуют все, включая гоблинских дам и детей. Назначив сбор после обеда, она приглашает оружейника. Высокий красавец с длинными русыми волосами получает задание приготовить к бомбометанию мощный фугас. В его больших серых глазах не мелькает и тени эмоций. Приказы точны и лаконичны, перепутать что-либо, не нарушая, невозможно. Отдав честь, оружейник покидает офис.

Прислуга приносит лёгкий завтрак, но хозяйка лишь чуть-чуть пригубила из стакана сок, не притронувшись к остальному. Пожалуй, это единственное проявление её чувств; ни жесты, ни выражение лица ничего не говорят о целом ворохе проблем.

Магия массажа приводит в порядок и без того очаровательное лицо, а гребень в руках парикмахера творит великолепную причёску. Свежий комбинезон меняет пахнущий потом вчерашний. Отливающая серебром ткань приятно холодит кожу. Поднявшись с кресла, Мэри оставляет на мягком сиденье все сомнения. Постепенно возвращается уверенность в собственных силах. В конце концов, вины в том, что именно она столкнулась с человеком, нет, а операция по уничтожению, несмотря на полный провал, проведена в строгом соответствии с инструкциями.

Никто и предположить не мог, что люди из Легенд – реальность. И, если судить по экземпляру, человек не только смертельно опасен, но и чертовски симпатичен. Коснувшись краем сердца этой темы, Мэри едва не задыхается от нахлынувшего странного чувства. Требуется гигантское волевое усилие, чтобы спрятать его в глубине души.

Кровь медленно отливает от лица, возвращая обычную лёгкую бледность. В небесно-голубых глазах снова блестит поволока. Пора. Деревни давно пусты, население на пути к месту большого сбора. Шлюпка поднимает Мэри. С высоты птичьего полёта видны колонны гоблинов, размеренным шагом движущиеся на последний сбор. Посланные в деревни наблюдатели докладывают, что ушли все. До часа «икс» совсем немного. Первые колонны прибывают на Великое поле.

Внутренние колебания нарастают, и, пытаясь хоть как-то разрядиться, Великая набирает номер мгновенной связи старой подруги. Впервые соединения не происходит, в наушниках полнейшая тишина, словно эфир вымер, не слышно даже вездесущего шёпота звёзд. Она лихорадочно набирает ещё несколько номеров, но связь словно ножом отрезана. Такие шуточки на заре цивилизации стоили множества голов, видимо, поэтому Первых так мало. И вот опять.

Времена становления Великих – одна из её любимых исторических тем. Ещё в годы учёбы в университете она никак не могла связать воедино несколько противоречащих друг другу фактов, а при дальнейшем углублённом изучении этой темы начало деформироваться и всё здание исторической науки. Поэтому по совету подруги детства Великой Софии Мэри плюнула на пыль архивов и начала творить собственные миры.

Многое получалось неправильно, но успехов больше. Народы под её рукой процветают, не переставая быть гордыми и даже слегка агрессивными. Теперь приходится уничтожить часть, причём не самую худшую.

В уютно обставленную каюту, вежливо постучавшись, входит с докладом оружейник.

– Великая, весь народ собрался!

– Хорошо, Анджей, – произносит Мэри и даёт команду: – Бомбу к сбросу!

Бедные гоблины до последнего не ведали своей участи. Бомба закрыта облаком, и падение сопровождается мягкой мелодией. Народ ждёт чуда, оно свершается. Никто не успевает ощутить страха, ослепительная вспышка адского огня мгновенно превращает округу в остекленевшую долину смерти.

Монитор бесстрастно показал трагедию во всех ракурсах, за что был сметён со стола. Шлюп направляется на место ночёвки, но Мэри решает посетить ту деревню, откуда человек впервые вышел на связь.

Непривычно пустая, она немым укором встречает корабль. Охранники проверяют путь до самой ратуши; лишь убедившись, что опасности нет, дают отмашку. Великая в обычном сопровождении следует к распахнутым дверям. Войдя в комнату коммуникаций, Мэри отсылает всех обедать. Заказав подачу блюд через час, стоит посреди комнаты, прокручивая в памяти видеозапись. Вот он стоит перед камерой, в спешке глядя волосы, явно не готовый столкнуться с женщиной.

Не доверяя никому, Великая внимательно осматривает пол. Под столиком матово блеснуло – подняв отливающий медью предмет непонятого назначения, Великая сканирует и ждёт от компа результата. Не проходит пары минут, как на монголе появляется Великий Координатор со странным, словно обречённым лицом. Предельно вежливо поприветствовав, интересуется, где Мэри нашла предмет?

– Да здесь. А что это?

– Видишь ли, Великая, игра, в которую ты волей судеб оказалась втянута, предельно опасна. Вся информация о данном инциденте засекречена и не может быть оглашена.

– Что за секретность?! Почему прерван канал моей персональной связи?! Это произвол и личное оскорбление! Я не маленькая и не намерена терпеть! – почти кричит Мэри.

Монитор гаснет. Настолько неожиданно, что буквально отбрасывает от экрана. Так открыто унижать Великих не позволено никому. Она вправе инициировать созыв Великого Совета. Через два дня прибудет корабль, там МпЭс, и Координатору придётся отвечать. Прощать такое в правила этикета не входит. Загрузив компьютер, Мэри набрасывает экспресс-заявление для начала работы по созыву Великого Собрания. Ярость буквально переполняет рассудок. Почуяв гнев хозяйки, вся прислуга ходит на цыпочках.

Глава 13

За вспышками ненависти и последующего раскаяния проходят дни. Корабль, посланный за Смит, вот-вот выйдет на орбиту, и нетерпение овладевает всеми. Нахождение в мёртвой деревне действует угнетающе. Пустые улицы каждую минуту напоминают о далеко не самом моральном действии. Можно, конечно, спрятаться под броню приказа, вот только душа всё равно не на месте.

Совершенно неожиданно на бреющем, едва не срезая верхушки гигантских деревьев, полёте снижаются десятки десантных шлюпов, полностью блокируя деревню. Ракетный удар превращает корабль Мэри в горящие обломки, в беспорядке разбросанные по полю. От звёздной температуры вспыхивают как спички дома. Десант картинно проводит высадку и, оставив немногочисленное оцепление, втягивается в лабиринты деревенских улиц. Впереди одной из групп двигается высокий, в белых одеждах, Великий. Лучи солнца сверкают на украшенной самоцветными камнями рукоятке меча, далеко разбрасывая маленькие брызги солнечных зайчиков. Десант почтительно отстаёт, Великие гибнут в поединках с равными. Традиция, не подлежащая обсуждению.

В деревеньке меж тем вспыхивают уличные бои; охрана Мэри отнюдь не собирается складывать оружия, несмотря на огромный численный перевес противника. Продвижение десанта замедляется, никто не торопится стать жертвой поединка богов. Великий взмахом клинка останавливает солдат, те с заметной радостью осваивают занятые позиции.

Белый двигается спокойно и уверенно, зная, что ничего серьёзного Смит ему противопоставить не может. Он профессиональный боец, подобных которому всего трое; естественно, Мэри в оное число не входит. Координационный Совет тайно держит их для аналогичных случаев, когда применение более мягких методов невозможно по ряду причин. Камни мостовой дробят в невыносимой тишине мерные шаги. Не доходя до ратуши, Белый поднимает меч на уровень глаз и зычным голосом вызывает Великую на поединок Богов. Даже преклоняет колено, выказывая огромное уважение сопернице. В ответ нечто совсем неожиданное: «Приди и возьми». Это не только удивляет, но и озадачивает. Лезть в дом, находящийся под контролем Великой, верное самоубийство.

Цивилизованные граждане редко отказывались от поединков на мечах. Использование в личных разборках боевых разработок может уничтожить целые планетарные системы, и тогда цена победы над соперником будет слишком высока. Давно сложился ритуал подобных схваток. В принципе можно решить все проблемы при помощи суда. Но судьбы вечно тянут вороха дел, и справедливого решения можно ждать до смерти, хотя боги и живут долго. Поэтому честный поединок в деликатных ситуациях всегда предпочтительнее обращения в суд, тем более что он крайне редко заканчивался гибелью соперников, а лечение порезов, ушибов давно не составляет никакой проблемы.

Белый перед выбором: если Мэри не принимает бой, значит, подаёт в суд. А приказ предельно ясен: зачистить всех, даже, если понадобится, стереть планету в порошок. Впрочем, и в этом случае нейтрализация не гарантирована. Потрясающая живучесть Великих общеизвестна. Выход один – любым способом вытащить Мэри из ратуши и попытаться уничтожить её в схватке.

– Координатор, приношу извинения, но ситуация осложняется, девчонка не принимает вызов. Мало того, забаррикадировалась в ратуше, – выходит на канал экстренной связи Белый.

– Великий, ты себе и представить не можешь всю сложность ситуации. Она должна быть уничтожена немедленно, вот-вот её хакеры пробьют канал связи с матерью. Великая Ирэна, почётная глава бесчисленных общественных организаций, могущественна. Если дочь поговорит с ней, поднимется страшный шум. Мы заблокировали в аварийном порядке почти все

частоты, но это страшный риск. Поэтому в ваших интересах быстрее устранить проблему, – произносит длинную речь усталый Координатор.

Если отбросить словесную шелуху, дела Белого обстоят неважнецки – далеко не факт, что останется живым. Меч привычно крутится в руке, но времени на проработку запасных вариантов нет, как, впрочем, нет и самих вариантов. Великий идёт ва-банк. Собрав волю в кулак, направляется к ратуше, продолжая грузить психику Мэри треском громких слов – достоинство, честь, величие предков.

Глава 14

Третьи сутки Координатору Павлу не до сна. Сообщение Мэри Смит, несмотря на кажущуюся незначительность, потрясает воображение. Он сначала отказывается верить и грузит Базисный компьютер проверкой выводов полевых машин. Но ответ полностью подтверждает расчёты; мало того, повышает вероятность до 99,8%. Человек из Легенд, живой, бодрый и весёлый, взявшийся из ниоткуда, переворачивает привычный мир.

Павел объявляет сбор Великого Совета, девять членов которого собираются на удивление быстро. Малый зал заседаний, наиболее защищённый от внешних воздействий, гостеприимно распахивает двери перед Первыми. Открыв заседание приветствием, Павел быстро переходит к делу. На лицах невозмутимых, много повидавших Координаторов сначала проступает изумление, потом подленький, не делающий чести Великим страх. Им буквально пропитан воздух. В наступившей тишине слышны удары сердец, и пауза затягивается неприлично долго. Великий Сергей, первым придя в себя, интересуется точностью расчётов и возможными вариантами решения проблемы.

– Точность расчётов сомнения не вызывает, – обречённо говорит инициатор общего сбора, – иначе я не стал бы вас беспокоить, а как с этим справиться, мы должны решить сообща.

– Джентльмены, ситуация требует быстрых и адекватных действий. Стоит человеку выжить, и я вижу пожары цветущих городов, бунты и смуту на планетах наших народов, которые, не секрет, уже столь могущественны, что являются практически самостоятельными. Появление там человека вызовет мощнейший дезинтеграционный процесс, остановить который нам вряд ли будет под силу, – высказывает мнение старейший из присутствующих, Великий Пётр.

Дискуссия разгорается, и в сухом осадке только одно – гарантированное сокрытие следов пребывания человека. В дальнейшем необходимо разработать точные инструкции, дабы в будущем при столкновении двух миров минимизировать ущерб, а прогресс и процветание не зависели бы от случайностей при любом исходе контакта. Сейчас само существование человека настолько сильный фактор нестабильности, что только его смерть способна восстановить статус-кво.

Решение принято, все смотрят на Павла.

– Одному мне не справиться. Ведь помимо нейтрализации человека, которого, кстати, ещё необходимо найти, придётся уничтожить и единственного реального свидетеля – Смит. Вся челядь и нелюди, разумеется, не в счёт, – роняет в мёртвую тишину Павел...

Ликвидация поручается Великому Егорию, наиболее воинственному и активному члену Совета. Выработка инструкций и правил на случай контакта поручена Великому Сергию, самому мудрому и осторожному среди Первых. Впрочем, всем находится работа. Предстоит проанализировать огромный объём информации и хотя бы ориентировочно определить место нахождения человека.

Егорий, прибыв в резиденцию, расположенную в красивейшем месте горной части столичного континента, срочно вызывает к себе Белого. Не единожды в щекотливых ситуациях спасал тот репутацию и Великих, и самого Егория. Наёмнику не откажешь в отваге, удали, смелости и презрении к чужой жизни, что вообще редчайший случай, ведь Великие, несмотря на спесь, если и гибли, то чаще спасая других. А этот не видел в чужой смерти ничего страшного. Им, безусловно, заинтересовались бы психиатрические службы, но Совету остро, как и любой другой власти, необходимы такие индивидуумы. Им даётся карт-бланш на почти любые выходки, но и требуется быть в нужное время в нужном месте для довольно гнусных дел.

Белый застаёт Егория за ужином. В зеркальных стёклах окон виден огромный красный шар солнца, опускающийся за горизонт. Ледники на вершинах гор кажутся политыми кровью; многочисленные отары животных, похожих на овец и называемые «мати», плотными колон-

нами движутся к месту ночлега. Хозяин жестом приглашает гостя к столу. Прекрасная молодая женщина, неслышно ступая, приносит Белому прибор. Тот невольно любуется ею. Высокая, стройная с длинными серебристыми волосами, уложенными в замысловатую причёску, она делает изящный реверанс и, расставив посуду, исчезает, оставляя мужчин наедине.

– Что-то случилось, Первый? – поднимая тяжёлый хрустальный бокал с ароматным рубиновым вином, интересуется гость.

– Случилось, – отвечает Егорий и, подцепив на ложечку золотистый кусочек фруктового желе, надолго замолкает...

Поняв, что спешить некуда, Белый наслаждался нектаром, напитком только в этих местах имеющим особый вкус и аромат, что всегда вызывало зависть гостей. Но добыть рецепт ещё никому не удалось.

– Ты знаешь Легенды, мальчик? – неожиданно интересуется хозяин.

– В объёме школьной программы, да и то, честно говоря, постфактум, – отвечает Белый, с трудом отводя взгляд от игры цвета прекрасного напитка.

– Допивай вино и сходи в библиотеку, просмотри всю эту легендарную муть, меня очень интересует твоё мнение, – просит Егорий и исчезает за дверями.

Не торопясь гость допивает нектар и поднимается из-за стола. Каждая мышца могучего тела ликует от избытка силы. Хочется одновременно и лететь, и падать, создавать и крушить. Эйфория теперь в организме надолго – вот как много значит проверенный веками уникальный рецепт. Прихватив графин, Белый неспешно идёт в библиотеку. Мощнейший компьютерный центр к его услугам. Что делать, книги не выпускаются, все произведения находятся на жёстких дисках машин. Надев виртуальный шлем, Белый набирает код Легенд, и в мозг напрямую скачивается информация. Легенды входят в процесс обучения, и вспомнить не составляет труда.

История цивилизации Великих поражает творческим потенциалом. Совершенно незначительная по численности нация образует огромную сеть планетарных цивилизаций, полностью подконтрольную ей. Созданы великие народы, неустанно повышающие интеллектуальную и промышленную мощь, снабжая всем необходимым не только себя. Они вносят свою лепту в строительство галактического содружества, часто не догадываясь об этом. Правда, основная разработка концепций развития и технологических новинок лежит на Великих. Это они путём генной инженерии из невероятных уродцев, населяющих планеты, сотворили высокоинтеллектуальные создания. В скором будущем те выйдут на уровень родителей и дальше двинут науку и прогресс.

Картинки лубочных пейзажей и незатейливой жизни Первых прокручиваются в голове, оставляя открытым вопрос: откуда взялись Самые Первые, где Адам и Ева – величайшие создатели, положившие начало роду Великих? Они научили творить и создавать, любить и ненавидеть, быть непоколебимо уверенными в себе, гордыми. А потом, попросившись, ушли. Куда? Не иначе, в огромную неизвестность. Никто и никогда больше не слышал о них. Сами Первые, если и знали, то не особо распространялись – ушли родители и ушли. Но вопрос, откуда пришли, до сих пор неясен. Был некий Сеятель, где, якобы по велению времени, они обрели кровь и плоть. Загадочная фраза, которую веками пытаются осмыслить лучшие умы. Кто такой Сеятель, откуда взялся? Вопросы, вопросы.

Легенды гласят о неких предтечах Великих, о людях, создавших цивилизацию на задворках галактики. Они верили в Бога, а значит, были рабами его. Великих же Бог сам поставил выше себя. Явная нестыковка. Белый в раздражении срывает шлем. Ничего нового часовое бдение в библиотеке не даёт.

Та же высокая красавица ставит на изящный столик хрустальный бокал нектара. Глубокое декольте почти не скрывает тяжёлые груди. От избытка сил кровь мгновенно с головы течёт вниз. Не привыкший к отпору и сопротивлению, он набрасывается на женщину. Входя в раж, мнёт нежную плоть до синяков. Сделав своё дело, сильным ударом ноги отправляет на пол

истерзанное тело. В руках остаются обрывки серебряных прядей. Потом идёт в душевую комнату, нимало не заботясь о прошедшем. Он Бог, а она лишь женщина, одна из множества клонов некой Великой. Кстати, боги, такие добрые и милосердные с созданными ими народами, неоправданно жестоки с чужими клонами.

Приняв душ и освежившись, гость возвращается в кабинет Егория, куда незамедлительно пропускается. Усадив гостя в высокое удобное кресло, Координатор интересуется результатом. Белый подтверждает прежнее мнение как о сказках, имеющих с реальностью очень мало общего.

– Твоё мнение о людях? – спрашивает Егорий.

– По-моему, тоже сказка. Ничто не указывает на возможность существования данного биологического вида. Вы же знаете, обследовано множество миров в различных областях галактики, но ни разу экспедиции не обнаружили ни малейшего следа человека.

– Представь себе, обнаружили, посмотри запись, – мягкий голос Егория затухает в огромном кабинете.

Объёмный монитор демонстрирует кадры схватки спецназа с обычным на первый взгляд Великим. Белый не мог не восхититься профессионализмом и отвагой бойца. Приятный, синтезированный под женский голос приводит данные об огромной вероятности того, что разыскиваемые сотни лет люди найдены.

Определить это, несмотря на кажущиеся трудности, довольно просто. Великие имеют детей только от брака с равными, и поэтому генный набор относительно узок. Одно это исключает данную особь из числа коренной нации. Кстати, само число Великих незначительно, и это поставило бы под угрозу цивилизацию, если бы с каждого ребёнка богов не сделано было несколько десятков клонов. Клонов часто называют ангелами, и самые продвинутые из них уверенно руководят целыми планетными системами. Прочие народы настолько сильно отличаются внешне от Великих, что к ним неизвестный точно не принадлежит. Приходится признать: человек выходит на арену, где до него играли только боги.

– Твоё мнение о ситуации? – интересуется Егорий.

Прокрутив в голове наиболее очевидные последствия контакта, Белый приходит к однозначному выводу и откровенно выкладывает:

– Великий, все, кто сталкивался с человеком, и сам он ради спокойствия Миров должны быть уничтожены. Хотя с человеком стоит поговорить, ведь при дальнейшей нашей экспансии столкновения с Предтечами станут более вероятны, – несколько напыщенно резюмирует Белый.

Хозяин благодарит за анализ и предлагает заняться нейтрализацией свидетелей, в первую очередь – Мэри Смит. Вдаваться в подробности не имеет смысла, ибо Белый профессионал и Совет держит его специально для аналогичных случаев. Гость изящно склоняет голову и не прощаясь уходит, в дверях интересуясь:

– А где же человек?

– Ищем, – бросает Координатор.

Глава 15

Ратуша быстро превращается в неприступную крепость. Мэри гонит прочь всю лишнюю челядь, дабы не пугались под ногами. Запертые двери и мощные силовые поля в оконных проёмах, ловушки и прочий защитный набор заставят одуматься любого. Огромный зал совершенно пуст: скудную мебель, не мудрствуя лукаво, выкинули. На полированном гранитном полу среди украшенных канделябрами стен и планируется бой.

В том, что Белый, поддержанный десантом, прорвётся, Мэри не сомневается. Противник настроен серьёзно. Вот только почему она? Неожиданная догадка последним звеном мозаики завершает картину – убирают свидетелей. Получается, человек настолько опасен для Первых, что они готовы на всё. И атака вооружённых сил уже не кажется ошибкой. Женщина, тряхнув головой, прочь отбрасывает все сомнения. Великая встретит опасность не прячась, а атакуя. Хотя слухи о подлости Белого иногда доходили до её ушей, она, воспитанная на идеалах величия, сильно сомневалась в возможности такой низости. Теперь появился случай проверить.

Молодая кровь бурлит, но пред Белым отнюдь не девчонка, а злая и опытная в схватках соперница, поэтому ему придётся принять бой на её условиях. Дома, как известно, и стены помогают и, если бы сейчас принимались ставки на исход поединка, то счёт 50 на 50 казался бы наиболее реальным. Враг медленно кружит вокруг, не решаясь ворваться. «Деваться некуда, войдёт», – принимает Мэри как данность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.